

ГРЕЙС ФАРМЕР ХОЧЕТ ДОБАВИТЬ
ВАС В ЖЕРТВЫ

ШКОЛА
БЕЗУМИЯ

ЭЙВЕРИ БИШОП

Супер черный триллер

Эйвери Бишоп
Школа безумия

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Бишоп Э.

Школа безумия / Э. Бишоп — «Эксмо», 2020 — (Супер черный триллер)

ISBN 978-5-04-170612-8

Грейс Фармер хочет добавить вас в жертвы. Говорят, игра хороша до тех пор, пока в ней никому не причинили боль. Что ж, в этой игре ее кое-кому причинили – и теперь правила изменились... Эмили Беннет – психотерапевт. Помогает детям и подросткам преодолеть пережитое насилие. Для нее это своего рода искупление: в школе она была одной из «гарпий». Так называли себя шесть популярных девчонок в поиске не самых невинных развлечений. Тихая новенькая из бедной семьи, Грейс Фармер, стала для них идеальной жертвой. Дело закончилось жуткими издевательствами, сломавшими Грейс жизнь. И невероятным скандалом. Мучительницы поклялись никогда не вспоминать об этом. А вскоре их пути разошлись. Спустя четырнадцать лет Эмили Беннет получает шокирующее сообщение: умерла одна из «гарпий», Оливия. Покончила с собой, пообщавшись с женщиной, которую называла Призраком. Именно такой презрительной кличкой они наградили Грейс в школе. А вскоре кончает с собой и вторая «гарпия» – Дестини... «Искусно написанный и поразительно оригинальный триллер – от начала до конца». – Midwest Book Review «Книга ставит вопрос вопросов: можно ли исправить то, что ты сделал в прошлом?» – OK! Magazine «Вы не выпустите из рук эту закрученную историю о буллинге, токсичной подростковой дружбе, подозрениях и одержимостях, пока не доберетесь до неожиданной развязки». – Кимберли Белль «Саспенс. Тайны. Мечь. Воздаяние. Всем этим полон триллер, страницы которого чуть ли не переворачивают себя сами». – Эмили Либерт

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-170612-8

© Бишоп Э., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Часть I. Призрак	7
1	7
2	11
3	15
4	20
5	24
6	27
7	35
8	37
9	42
10	46
11	49
12	51
13	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Эйвери Бишоп

Школа безумия

Avery Bishop
GIRL GONE MAD

© Бушуев А.В., Бушуева Т.С., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Посвящается всем, кого травили.
Всем, кто дал отпор обидчикам.
Эта книга – вам.*

*От палки или камня тело заболит, а слово не заденет и мимо
пролетит.*

Детский стишок

Она еще долго кричала, после того как они ее бросили – вкладывая в крик все свои силы, все, что у нее было, – но это не помогло. Ведь как можно кричать, когда вам в рот зачихнули полотенце и обмотали его вокруг головы. У полотенца был затхлый привкус, как будто оно пролежало в ящике комода целый год. Она представила себе, как Маккензи, Элиза или кто-то еще из девочек нашли его в бунгало и засунули в ярко-розовый рюкзак. Вместе с веревками, которыми она теперь была привязана к дереву.

Она отчаянно пыталась освободиться от пут, но девочки связали ее крепко, чтобы не дать сдвинуться с места. Одна веревка была крепко затянута у нее под грудью. Другая – туго давила на голые бедра, больно впиваясь в мягкую бледную кожу.

Слезы прекратились, но лицо все еще было мокрым и зябло в весеннем ночном воздухе. Болел затылок – в том месте, где она ударилась им о дерево. Она знала, что разбила его до крови, потому что волосы уже слиплись коркой.

Сколько бы раз она ни билась головой о дерево, сколько бы ни плакала, девочки не знали жалости. Осыпали ее оскорблениями. Хохотали над ней. Даже плевали в нее.

Она на миг умолкла и прислушалась. Помимо звуков леса – стрекота насекомых и уха-нья далекой совы, – вокруг царил тишина. Даже приглушенные шаги девочек по тропинке, ведущей к домику, стихли.

До полуночи оставался еще час, и она понятия не имела, как долго они продержат ее здесь. Маккензи, конечно же, не сказала, как и остальные девочки. И поскольку ей не оставалось ничего другого – и горло еще не осипло, – она сделала единственное, на что была способна.

Она закричала.

Часть I. Призрак

1

Девочка наносила себе порезы.

Скорее всего, ножом – для резки овощей или для стейка, украденным из кухни, когда родителей не было рядом, – или, может быть, использовала ножницы, которые уже были спрятаны в спальне: раздвигала и впивалась кончиком одного из лезвий в кожу.

Мы еще дойдем до этого.

Сегодня был первый сеанс с этой девочкой. Точнее, первый прием. У меня имелось лишь направление, присланное из психиатрической клиники, где она находилась восемь дней. Информации в нем было мало.

Имя: Хлоя Киттерман. Возраст: тринадцать лет. Причина госпитализации: из-за суицидальных намерений порезала себе запястья. Рекомендация после лечения: продолжить медикаментозное лечение, начать амбулаторное наблюдение.

Именно это привело сегодня ко мне в кабинет Хлою и ее мать.

Но даже и без выписки из истории болезни нетрудно было предположить, что Хлоя имела склонность ранить себя. Это было видно по ней. Худая и миниатюрная. Длинные рыжие волосы. На лице россыпь веснушек. Выкрашенные в черный цвет ногти. Но ничто из этого еще не говорило о ее склонности к нанесению себе резаных ран.

Дело было в одежде. Она сидела на черном кожаном диване рядом с матерью, уставившись в свой телефон. В выцветших джинсах с заниженной талией, кроссовках и серой толстовке марки «Холлистер» с капюшоном.

Был конец апреля, и температура на улице поднялась выше восьмидесяти градусов по Фаренгейту¹. Слишком жарко для толстовки. Она пыталась скрыть порезы на руках.

Ее мать, миссис Киттерман, похоже, довела до совершенства свою роль статусной жены. Ей явно было хорошо за сорок, но выглядела она намного моложе. Лицо гладкое и свежее, без единой морщинки. Песочно-каштановые волосы идеально уложены. Либо она почти ничего не ела, либо каждый день занималась фитнесом, вероятно, с дополнительным сеансом йоги. Бриллиант на ее пальце был таким огромным, что я удивилась, как ей удается поднимать руку без посторонней помощи. Вероятно, ее муж получал внушительное шестизначное жалование. Одета она была так, будто купила всю свою одежду в «Нейман Маркус»²: хлопковые брюки, классические сандалии на платформе, хлопковая рубашка от «Хенли» – один только ее гардероб сегодня наверняка стоил больше, чем я зарабатываю за неделю, и это не считая кожаной сумки от «Эрме», которую она поставила между собой и дочерью.

Женщина не закрывала рта с того момента, как они вошли в мой кабинет. Она сказала, что все это для них в новинку. Сказала, что никто в ее семье раньше не нуждался в помощи психотерапевта. Должна ли ее дочь лежать на кушетке и рассказывать мне о своих чувствах, как это показывают по телевизору?

Она продолжала бесконечно сетовать на то, сколь ужасна сейчас жизнь из-за депрессии ее дочери, а Хлоя тем временем тихонько сидела рядом с ней. Ее взгляд был прикован к экрану телефона.

В какой-то момент миссис Киттерман остановилась на полуслове, как будто внезапно осознав, где она и кому сообщает столь личную информацию. Она обвела глазами тесную ком-

¹ 80 градусов по Фаренгейту – 26,7 градуса по Цельсию.

² «Нейман Маркус» – американская сеть люксовых универмагов.

нату – стены в основном голые, лишь несколько мотивационных плакатов в рамках, – а затем посмотрела на дочь. Заметив телефон, тяжело вздохнула.

– Хлоя, кажется, я сказала тебе убрать его.

Хлоя не ответила, продолжая таращиться в гаджет. Ее большие пальцы перемещались по экрану в странной стремительной хореографии, доступной только подросткам.

– Хлоя, не заставляй меня повторять.

Секунда прошла без ответа. Затем Хлоя тяжело вздохнула, резко положила телефон на подлокотник дивана и скрестила на груди руки.

Миссис Киттерман посмотрела на дочь, покачала головой и, закатив глаза, посмотрела на меня.

– Я совершенно серьезно. Понятия не имею, что происходит с этим ребенком. Ее просто... не узнать. Раньше она была веселая. Раньше я могла с ней разговаривать. Теперь же я получаю от нее только грубость.

Мой сотовый, лежавший на столе, завибрировал и пару раз коротко пискнул, сообщая, что пришло сообщение. Не обращая на него внимания, я кивнула миссис Киттерман, чтобы она продолжала.

Она нахмурилась.

– Вы моложе, чем я ожидала.

– Мне двадцать восемь.

– Значит, вы занимаетесь этим недавно.

Ее тон предполагал, что для работы с ее дочерью мне не хватает опыта. Что в некотором роде так и было. Я работала психотерапевтом всего четыре года. Некоторые из моих коллег по центру психологического здоровья «Тихая гавань» проработали здесь уже несколько десятилетий.

– Если вы хотите, чтобы Хлоя посещала другого терапевта, я, безусловно, могу передать ее. Однако, насколько я понимаю, вы обратились именно ко мне.

Ее идеальной формы нос сморщился.

– Не то чтобы конкретно к вам... В общем, да, вас порекомендовал терапевт в стационаре. Она тоже молоденькая, и ей казалось, что Хлоя сможет открыться кому-то, кто не настолько... старый.

Она сказала это пренебрежительно, как будто не могла понять, почему ее дочь не сможет найти общий язык с кем-то втрое старше ее.

Я заставила себя улыбнуться.

– Опять же, если вы хотите, чтобы Хлоя посещала сеансы у кого-то еще, я могу выписать ей направление.

– Нет, в этом нет необходимости. Просто... – Она умолкла, заметив на моем пальце кольцо. – Вы замужем?

– Помолвлена.

Сказав это, я посмотрела на свою руку. Мой бриллиант был намного меньше, чем у миссис Киттерман.

– Значит, у вас нет детей.

Она сказала это почти осуждающе, как будто ждала, что у меня их должно быть, по крайней мере, двое, под опекой няни-иммигрантки.

Я подтвердила, что детей у меня нет.

– Тогда как... – Она замахала руками, словно надеясь поймать в воздухе нужное слово. – Как вы собираетесь помочь моей дочери?

– Миссис Киттерман, с тех пор как я окончила колледж, я работала со многими девушками того же возраста, что и Хлоя.

– И вы им всем помогли?

– Нет.

Казалось, она вздрогнула от резкости моего честного ответа.

– Нет? Тогда зачем моей дочери тратить время на то, чтобы посещать вас?

Она вела себя агрессивно, что было вполне предсказуемо. Для нее это внове. Она была напугана и не знала, что будет дальше. Я не винила ее.

– Миссис Киттерман, вы должны понять: терапия – это не точная наука. Помимо меня и вашей дочери, здесь задействовано множество других факторов. Это вы и ваш муж, все ученики в школе Хлои и любые друзья, какие у нее могут быть вне школы. Я не могу обещать, что мы немедленно найдем с ней общий язык, и любой терапевт, который вам такое пообещает, не тот, кого бы я порекомендовала.

Женщина в упор посмотрела на меня, явно озадаченная моим ответом. Возможно, она ожидала, что я буду более раболепной, раз уж мне за это платят.

Мой телефон завибрировал снова: пришло еще одно текстовое сообщение. Я вновь проигнорировала его и сосредоточила все свое внимание на матери Хлои.

– Миссис Киттерман, считаю своим долгом заранее вас предупредить: моя роль здесь не в том, чтобы работать *на* вас или вашу дочь. Моя роль – работать *с* вашей дочерью. Вам понятна разница?

Она кивнула. Это был легкий, едва заметный кивок, и тем не менее.

– Это наш первый сеанс, – сказала я. – Фактически это даже не сеанс – первичный прием. Я слушаю и собираю информацию. Если вы хотите, чтобы Хлоя посещала меня, то сообщаю заранее: я обычно встречаюсь с пациентами только один на один.

Мои слова явно ее шокировали, но затем она покачала головой.

– Это все в новинку для нас. Я еще ни разу не видела никого, кому нужен психотерапевт, не говоря уже о собственной дочери.

А потом она снова заговорила о том, что не может поверить, что это происходит с ее семьей.

– Она сейчас принимает лекарства. Моя дочь принимает мозгоправные лекарства. Врачи говорят, что у нее депрессия. Я просто не понимаю. Откуда?

Обычно я имею дело с тремя группами родителей.

Теми, кто понимает, что что-то не так, и хочет сделать все возможное, чтобы помочь своему ребенку.

Теми, кому наплевать, что что-то не так, и кто не собирается прилагать никаких усилий, чтобы помочь своему ребенку.

И теми, кто отрицает, что что-то может быть не так. Их ребенок теперь стал неудобством. И в девяти случаях из десяти причиной проблемы является что-то дома. Нечто такое, о чем родители не хотят говорить, из-за чего лечение длится намного дольше, чем нужно.

Миссис Киттерман из этой последней группы. У Хлои кризис – Господи, ведь она порезала себе запястья! – но матери казалось, будто вся *ее* жизнь перевернулась.

Мой телефон завибрировал снова. На этот раз вместо того чтобы проигнорировать его, я протянула руку и нажала кнопку, чтобы его выключить.

И вновь заставила себя улыбнуться миссис Киттерман:

– Не будете возражать, если мы с Хлоей поговорим наедине?

В глазах женщины появился настороженный взгляд, подтвердивший мои подозрения.

– Но вроде вы сказали, что это первичный прием.

Она произнесла это холодно, спокойно, однако я почувствовала в ее голосе легкую нотку раздражения.

– Верно. По крайней мере, первая его часть. Нам все равно нужно будет составить план лечения, определить цели, к которым мы стремимся: например, как научиться справляться с депрессией. Но пока я хотела бы поговорить с Хлоей наедине.

Это предложение явно пришлось миссис Киттерман не по душе, однако она кивнула и встала с дивана. Прижав сумочку «Эрме» к плечу, как будто боялась, что я попытаюсь ее вырвать, она направилась было к двери, но затем повернулась к дочери и протянула руку.

Хлоя сидела неподвижно, глядя на свои колени.

Миссис Киттерман откашлялась.

Хлоя вздохнула и едва не швырнула телефоном в мать.

Миссис Киттерман бросила телефон в свою сумочку, напоследок посмотрела на меня, словно желая удачи, и вышла. Я закрыла за ней дверь. Развернулась. И улыбнулась Хлое, которая все сидела, впившись взглядом в колени. Затем подошла к столу, села, откинулась на спинку стула и устала в потолок. В молчании прошла целая минута.

– Весело с твоей мамой, наверное.

Моя фраза рассмешила Хлою, она даже тихонько фыркнула. Во всяком случае, комментарий застал ее врасплох.

Не вставая с кресла, я подалась вперед и пристально посмотрела на Хлою.

Она в ответ посмотрела на меня.

– Ты боишься, не так ли? – спросила я.

В отсутствие матери ей больше не нужно было сохранять бдительность, и она позволила себе легкий кивок.

– Тебе требуется помощь?

Еще один легкий кивок.

– Хорошо. То, что ты это сейчас признаешь, особенно в твоем возрасте, просто невероятно. Но я буду честна с тобой – что бы ты ни пережила, потребуется время, чтобы во всем разобраться. Я здесь для того, чтобы слушать, и все, что ты мне скажешь, останется между нами. Но, пожалуйста, пойми одну вещь: я так называемый уполномоченный по проблемам детей. Если ты скажешь мне нечто такое, что заставит меня заподозрить, что ты подвергаешься насилию или если ты признаешься, что тебе хочется причинить вред себе или другим, я буду вынуждена сообщить об этом органам опеки. Ты поняла?

Еще один кивок.

– Хорошо. Итак, я здесь для того, чтобы тебе помочь, при условии, что ты будешь честной со мной. Договорились?

На этот раз кивок был едва заметным.

– Нет, Хлоя, так дело не пойдет. Мне нужно услышать либо да, либо нет.

Ее взгляд вновь переместился на колени. Она долго сидела неподвижно, но потом, наконец, подняла глаза.

– Да, – прошептала она.

Двадцать минут спустя, отправив Хлою и ее мать домой с назначением явиться на следующей неделе, я снова включила телефон. Потребовалась минута, чтобы поймать сигнал, после чего на экране начали всплывать пришедшие за это время сообщения. По какой-то причине я ожидала, что они будут от Дэниела, но все оказались от моей матери.

Позвони мне.

Ты помнишь Оливию Кэмпбелл?

Она ПОКОНЧИЛА С СОБОЙ!

2

Новой страстью моей матери был чай. Не коробки с пакетиками, какие можно купить в супермаркете – «Липтон» и «Селестиал Сизонингс», «Бигеллоу» и «Стэш», – а развесные чаи. Те, что стоят в больших стеклянных банках на стеллажах чайного отдела, и их нужно насыпать в бумажный пакет и взвешивать. По мнению моей матери, чем дороже чай, тем он вкуснее.

– Чего бы ты хотела? – спросила она меня, проходя по кухне, пока на плите закипал чайник. Она деловито открывала и закрывала шкафчики и, наконец, достала две чашки и два маленьких блюда.

Я сидела на табурете у кухонного стола-островка и смотрела на нее. Двадцать лет назад я сидела на этом же месте, а моя мать с торопливой грацией перемещалась с одного конца кухни в другой, готовя нам с отцом завтрак, прежде чем мне пойти в школу, а им двоим – на работу. В то время я думала, что у нее слишком много энергии. Теперь я понимала: у нее СДВГ³.

– Ничего не надо, спасибо.

Мать замерла как вкопанная. Она умолкла, словно не знала что сказать, и с удрученным выражением лица повернулась ко мне.

– Ты уверена? На днях я купила четверть фунта рассыпного белого чая. Он называется «Серебряные жасминовые иглы». Девяносто девять долларов девяносто девять центов за фунт.

Я открыла рот, не зная что сказать, но это не имело значения, потому что мать снова повернулась к столу, поставила чашки и блюда и начала рыться в корзине с чайными пакетиками.

– У меня есть «Сакура Сенча», это зеленый чай из Японии. И хризантемовый из Китая. И ромашковый из Египта.

– Меня устроит.

Она резко обернулась и быстро взглянула на меня.

– Что тебя устроит?

– Ромашковый.

Она поморщила нос.

– Не уверена, что тебе понравится.

Я вздохнула. У меня был долгий день, и этот разговор не помогал мне снять мой обычный ежедневный стресс.

– Ты попросила меня заехать к тебе после работы, – что, кстати, не ближний путь, – и вот я здесь. Я не хочу чая.

– А как насчет кофе?

– Мам.

– Тогда воды?

Я знала: она будет спрашивать до бесконечности, пока не уломает меня.

– Хорошо, воды. Я согласна.

Она повернулась к столу, схватила чашку и блюдце, вернула их на свои места в шкафчике и снова повернулась ко мне.

– В бутылке или из-под крана?

– У тебя есть вода из Японии?

Она замерла, как бы задумавшись.

– Мам, я шучу. В бутылке подойдет.

Она достала из холодильника бутылку родниковой воды. Между тем засвистел чайник. Мать заварила чай и наконец, подошла к столу и села.

³ СДВГ – синдром дефицита внимания и гиперактивности (*прим. пер.*).

Я выдохнула.

– Как Дэниел? – спросила она.

– У него все хорошо.

– Я давно его не видела.

– Он много работает. Как и я.

– Я не становлюсь моложе, Эмили. Хочется иметь внуков.

– Да, но сначала мы с Дэниелом должны пожениться.

Мать покачала головой и рассеянно заправила за ухо прядь седеющих волос.

– Не знаю, чего вы ждете. Вы помолвлены четыре года.

Если точно, то три с половиной, но я не винила ее за округление. Это была болезненная тема. Мой отец скончался за три месяца до того, как мы с Дэниелом должны были пожениться. Из-за его смерти, потому что нам внезапно вдобавок к свадьбе пришлось планировать похороны, я убедила Дэниела, что нам лучше немного подождать, и он, разумеется, согласился. А потом... мы просто так и не назначили новую дату.

Дэниел никогда не знал своих биологических родителей. Он вырос, кочуя из одной приемной семьи в другую, так что вряд ли кто-то дышал ему в затылок. У нас была только моя мать, и, следует отдать ей должное, примерно через год она перестала давить на меня, лишь время от времени поднимая эту тему, чтобы испытать мое терпение.

– Так что же именно случилось с Оливией Кэмпбелл? – спросила я, чтобы сменить тему.

Мать внезапно помрачнела и на миг закрыла глаза.

– Это ужасно, правда? Она ведь была твоего возраста.

Если я правильно помнила, Оливия была на пять месяцев меня старше. В седьмом классе, за год до того, как все изменилось, она отмечала свой день рождения на местном роликовом катке. Во время катания пар Джимми Клей пригласил ее покататься вместе с ним. Позже она рассказывала нам, что его рука была жутко липкой, и он постоянно вытирал ее о джинсы, когда они кружили под песню «Я хочу, чтобы это было так» группы «Backstreet Boys».

– Откуда тебе известно, что она умерла?

– Прочла в «Фейсбуке».

– А как ты вышла на эту запись?

– Бет Норрис прислала мне сообщение. Она вспомнила, что вы с Оливией были одноклассницами. Сказала, что ее дочь Лесли окончила школу в том же году, что и ты. Ты ее помнишь?

В моем выпуске было 119 учащихся. Имя Лесли Норрис мне ничего не говорило.

– Бет дружит с матерью Оливии в «Фейсбуке». Кстати, про «Фейсбук», я бы очень хотела, чтобы ты завела там себе страничку. Я хочу отметить тебя на старых фотографиях, которые загружаю.

– Мама, мы уже это обсуждали. Из-за моей работы...

– Да, да. Тебе нужна конфиденциальность, потому что ты работаешь с группой детей, которые будут пытаться подружиться с тобой или узнать о твоей личной жизни. Я понимаю.

Эту причину я называла всегда, когда меня спрашивали, и хотя какая-то доля истины в ней определенно была, истинная причина заключалась в том, что я не хотела засвечиваться в социальных сетях. Стоит это сделать, как люди попытаются установить с вами связь. Не только коллеги и семья, но и знакомые. Старые друзья. Друзья, которых вы, возможно, сто лет не видели и с которыми не общались годами. Друзья, которые могут напомнить вам обо всех ужасных вещах, которые вы когда-то совершили.

– Мама, расскажи мне про Оливию. Когда это произошло?

Она взяла свой «айпад» и коснулась экрана.

– Ты не знаешь, что случилось с твоими школьными ежегодниками? Я думала, они в подвале. Искала их раньше, но они как сквозь землю провалились.

– В последний раз я их видела, они были там, в каком-то ящике.

Вообще-то в последний раз я видела свои ежегодники, когда накануне отъезда в колледж тайком вытащила их из спальни и бросила в мусорные баки на улице. Прямо перед тем, как мусорщики приехали на своем грузовике. Но моей матери не нужно этого знать.

Мать кивнула, как бы сама себе, и протянула мне планшет. Не знаю, что я ожидала увидеть, но определенно не страницу матери Оливии Кэмпбелл в «Фейсбуке». Моим глазам предстало довольно краткое обновление статуса, сделанное пять дней назад. Мать Оливии писала, что Бог призвал ее маленькую девочку к себе и что, о господи, она не подозревала, что Оливии было так больно, однако она надеется, что теперь все страдания ее дочери позади.

На пост было более трехсот откликов, в основном сердечек и смайликов с грустными лицами, а также более ста комментариев с соболезнованиями.

Мать сделала глоток чая и осторожно поставила чашку на фарфоровое блюдечко.

– Сегодня утром я отправила матери Оливии запрос о дружбе и сообщение. Я написала ей, что соболезную по поводу случившегося. Я не была уверена, что получу ответ. Мы не общались с ней с тех пор, как вы с Оливией поссорились и они переехали в Гаррисберг, но она ответила через два часа и поблагодарила за соболезнования. Сказала, что прощание и похороны состоятся в эту субботу. Я ответила, что поговорю с тобой и, возможно, ты приедешь.

– Что? – Мой тон шокировал мою мать почти так же, как и меня. – Зачем ты ей это сказала?

– Что бы ни случилось в средней школе, когда-то вы с Оливией были подругами.

Я покачала головой, не находя слов. И вдруг мне в голову пришла одна мысль.

– Погоди, ты ведь сказала, что Оливия покончила с собой.

– Да, так и есть.

– Но в посте об этом не упоминается.

– Нет, конечно. Мать Оливии не хотела придавать это широкой огласке.

Терпение, напомнила я себе – это добродетель.

– Тогда откуда тебе об этом известно?

– Я же сказала тебе: от Бет Норрис. Она сказала мне, что Оливия покончила с собой. Это так... – она умолкла и вновь покачала головой, – так ужасно.

– Зря ты сказала миссис Кэмпбелл, что я приеду. Кажется, Дэниел уже что-то запланировал на эту субботу.

Вообще-то у Дэниела на эту субботу не было никаких планов, по крайней мере, насколько мне было известно, но я решила использовать его в качестве предлога.

– Я уверена, он поймет и изменит свои планы.

– Если честно, мам, я не хочу туда ехать.

– Будь все наоборот, разве тебе не хотелось бы, чтобы Оливия пришла на твои похороны?

– Знаешь, будь я мертва, думаю, мне было бы наплевать.

Мать снова сердито взглянула на меня. Этим взглядом она могла остановить дорожное движение в час пик.

– Если ты приедешь, это будет много значить для матери Оливии.

Упершись локтями в столешницу, я уронила голову на руки и попыталась не закричать.

Голос матери понизился до еле слышного шепота.

– Я знаю все, через что я прошла, когда умер твой отец, да благословит Господь его душу, но, по крайней мере, ему было под шестьдесят. А Оливии? Такая молодая женщина. Я не могу даже...

Она снова умокла. Я на миг подняла глаза и увидела, как она смахнула с глаза слезу.

– Но это не имеет значения. Если ты не хочешь ехать на похороны, Эмили, значит, тебе не нужно этого делать. Я не могу тебя заставить.

Замечательно. Она давит на чувство вины.

Словно почувствовав мои колебания, мать сказала:

– Если ты все же решишь поехать, мать Оливии дала мне адрес похоронного бюро. Это минут сорок на машине отсюда, в зависимости от пробок.

– Не думаю, что Дэниел захочет поехать.

– Тогда не бери его. К сожалению, на этот день у меня уже есть планы. Иначе я с радостью поехала бы с тобой. Кстати, если ты хочешь, я изменю их...

– В этом нет необходимости.

– А что насчет твоих школьных подруг? Когда ты в последний раз разговаривала с Кортни? Вдруг она захочет поехать.

– Может быть.

Я не хотела обсуждать это с матерью. Ей не нужно знать, что я утратила контакт с большинством людей, с кем училась в школе. Несколько друзей, которые у меня имелись, были из колледжа. Потому что в колледже я смогла заново обрести себя. Я могла вести себя так, будто той девочки, кем я была в средней школе, не существовало. Это облегчило мне жизнь.

Кортни... Как вам сказать... Кортни – одна из немногих девчонок нашей первоначальной школьной компании, с кем я дружила в старших классах. Даже когда она забеременела и бросила учебу, мы поддерживали связь. До того самого лета, когда я окончила школу и улетела в Калифорнию. С тех пор я с ней не общалась.

Мать покачала головой и вытерла очередную слезу. Затем взяла чашку и отпила из нее.

– Хорошо попить чайку. Ты уверена, что не хочешь?

И поскольку я не хотела расстраивать ее больше, чем уже расстроила, я заставила себя улыбнуться.

– Ладно, так уж и быть.

3

Предполагалось, что таунхаус, в котором мы жили с Дэниелом, – это временное решение. Возможно, так оно и было, но мы жили в нем уже три года и не похоже, что когда-нибудь переедем.

В выпускном классе я подала документы в колледжи как можно дальше от дома. Меня приняли в большинство из них, но в конце концов я остановила свой выбор на Калифорнии, в трех тысячах миль от моего прошлого. Я возвращалась домой на каникулы, навещала свою семью и улетала обратно. Я давно решила, какую карьеру я выберу, и поэтому не теряла времени зря. Определилась с нужными мне курсами, взяла необходимое количество кредитов и подала заявки на лучшую стажировку.

Я любила Калифорнию. Выросшая в условиях непредсказуемой погоды Восточного побережья, я наслаждалась постоянным солнцем и теплом. И задумала обосноваться здесь. Поступить в аспирантуру. Найти работу. Обустроиться. На протяжении всей учебы я встречалась с парнями, но ничего серьезного из этого не вышло. Как только все становилось серьезно, я тотчас разрывала отношения.

А потом мой отец заболел раком.

Я стала чаще ездить домой, но это было слишком дорого.

Пообещала перевестись куда-нибудь поближе, но родители ответили твердым «нет». Они хотели, чтобы я закончила тот колледж, в который поступила изначально. Они желали мне только добра. Тем не менее уже на последнем курсе я вернулась в родной город и смогла получить место в колледже в полчасе езды от нас. Я жила дома и ездила на учебу.

Нередко я боялась столкнуться с бывшими одноклассниками, и хотя я видела некоторых из них, никто не был достаточно близок, чтобы мы могли считаться друзьями.

В период стажировки я работала кризисным сотрудником в местном отделении неотложной психологической помощи. Когда кто-то поступал сюда с мыслями о причинении вреда себе или другим, моя работа заключалась в том, чтобы оценить их состояние и определить, можно ли им вернуться домой, или требуется психиатрическая госпитализация.

Там я встретил Дэниела. Он только что закончил медицинский колледж и работал медбратом в отделении неотложной помощи. Сказать, что он красив, значит ничего не сказать. Темно-синие глаза, ровный загар, слегка взлохмаченные волосы и вечная легкая щетина – стоило мне впервые увидеть его, как меня тотчас же потянуло к нему. Было еще кое-что. Дэниел был терпелив с людьми, которые попадали в отделение неотложной помощи, даже с самыми вздорными и склочными. Он был само дружелюбие, особенно с детьми. Я узнала, что по выходным он волонтерит в клубе «Мальчишки-девчонки». Мы часто виделись на ходу, иногда останавливались поболтать. Однажды Дэниел пригласил меня на кофе, и я согласилась. Через год мы обручились.

К тому моменту у моего отца была ремиссия, и казалось, что он выздоравливает. Он был в восторге от нашей помолвки. Ему очень нравился Дэниел. Моей матери тоже. Он нравился всем.

Я стала проводить все больше и больше времени в квартире Дэниела, но там было тесно, поэтому через полгода после того, как он сделал мне предложение, мы решили вместе арендовать таунхаус. Это всего на пару лет, сказали мы друг другу, пока не поженимся и не начнем присматривать себе дом. При условии, что захотим остаться в этом районе. Я втайне мечтала вернуться в Калифорнию, но мне не хотелось бросать родителей, особенно когда заболел мой отец. У Дэниела не было семьи, которая бы привязывала его к одному месту, и он сказал, что будет счастлив везде, где бы мы ни оказались, главное, чтобы мы были вместе.

Мы назначили дату и приступили к планированию свадьбы, небольшой церемонии на открытом воздухе. Только несколько членов семьи и друзей. Ничего лишнего. Но потом отец скончался. С тех пор прошло почти два года, а мы все еще жили в таунхаусе.

Дэниела дома не было. Последние пару месяцев он работал в две смены. Деньги были хорошие, а Дэниел любил свою работу, хотя казалось, что теперь мы почти не виделись.

Я привыкла к пустому дому. Соседи по обе стороны были тихими. Джим и Том, пара слева от нас, всегда хватали пакеты, оставленные на крыльце, чтобы никто, проезжая мимо, не мог их украсть. У Эндрю и Барб, соседей постарше, что живут справа, был джек-рассел-терьер, который иногда слишком громко тявкал, но их самих обычно не было слышно.

Я переоделась в спортивный костюм и футболку и спустилась на кухню. В раковине скопилось несколько грязных тарелок. Я загрузила их в посудомоечную машину, протерла столешницу, проверила, нужно ли вынести мусор.

В гостиной я устроилась на диване с пультом в руке. И вскоре зевнула. Сражаясь с внезапной зевотой, я нажала на кнопку «Нетфликса», пролистала фильмы и телешоу, которые мы с Дэниелом добавили в плейлист. Ничего интересного.

Меня все никак не покидали мысли об Оливии. О том, что она покончила с собой. Я не думала о ней много лет. Не думала ни о ком из моих школьных подруг. О нашей компании. О популярных девочках.

Мы назвали себя гарпиями после того, как Кортни подслушала, что миссис Кокрейн, наша учительница английского языка в седьмом классе, назвала нас так в разговоре с другим учителем. Кортни, незнакомя с этим словом, немедленно заглянула в словарь и узнала, что гарпия означает «хищная птица с женским лицом».

Мы все считали, что это прозвище поможет нам казаться круче, чем мы были на самом деле, но Маккензи восприняла его почти что лично, так как ее фамилия была Харпер⁴. Миссис Кокрейн, рассудила Маккензи, явно имела в виду ее, потому что она была нашей заводилой.

Все остальные знали: Маккензи просто вела себя как типичная эгоистка, но это прозвище нам понравилось. Мы решили, что это круто, и мы стали гарпиями.

Я, конечно, помнила их имена – Элиза и Маккензи, Оливия, Кортни и Дестини, – но успешно выбросила их из головы. Или, по крайней мере, я открыла ящик, запихнула в него воспоминания, заперла и выбросила ключ.

Я перевернула левую руку и посмотрела на шрам на ладони. Такой тонкий, что если не знать, что он там, едва ли можно увидеть.

Дэниел однажды прокомментировал шрам, спросил, что случилось. Я отмахнулась, сказав, что случайно порезалась, еще будучи подростком. Что в принципе так и было.

Я снова зевнула, уже сильнее, и этот зевок было труднее игнорировать.

Переключив канал на передачу по благоустройству дома, я уменьшила громкость, удобно устроилась на диване и, решив, что краткий сон мне не повредит, закрыла глаза. Всего несколько минут, чтобы очистить голову от призраков.

* * *

Звенит звонок, резкий, неприятный звук, и дети в коридоре расходятся по классам.

Я застыла посреди коридора, не в силах пошевелиться. С плеча свисает рюкзак. К груди прижат учебник. Страницы с запахом плесени подсказывают мне: это учебник естествознания для восьмого класса.

В коридоре воцаряется тишина. Двери классов закрыты.

Я опаздываю на урок, но все еще не могу пошевелиться.

⁴ Harpy (гарпия) – по-английски произносится как «ха[р]пи», а фамилия Харпер (Harper) – как «ха[р]пэ».

Что-то громко падает на пол, громко, как грохот фейерверка. Что бы это ни было, оно сзади меня. Я хочу повернуться, но не могу.

Бум!

Мгновение тишины.

Бум!

Я оборачиваюсь.

В конце коридора спиной ко мне стоит девушка. Ее руки опущены вдоль боков. По запястьям к кончикам пальцев стекает кровь. Алые капли на мгновение замирают в подвешенном состоянии, а затем падают на линолеум.

Звук фейерверка – бум! – каждый раз, когда капля крови падает на пол.

Теперь, когда я снова могу двигаться, я спешу в класс. На урок географии мистера Баррета, через три двери слева. Мое место будет пустым. Я боюсь, что он отметит меня как опоздавшую. Три опоздания, и я получаю меру пресечения. Что означает, что на выходных я не смогу выйти из дома, чтобы тусоваться с подругами. Что, в свою очередь, означает, что большую часть этого времени они проведут, перемыывая мне косточки за моей спиной.

Несмотря на все это, я прохожу мимо двери мистера Баррета.

К девушке, что стоит спиной ко мне.

Оливия?

Нет, это не Оливия. Конечно, нет. С какой стати это может быть Оливия?

Когда до нее остается всего несколько ярдов, кровь с запястий девушки начинает литься быстрее. Теперь капли крови падают как капли дождя. Бум-бум-бум-бум! У ее ног уже натекли две лужи крови.

Девушка не двигается.

Я всего в нескольких шагах от нее. Я не хочу здесь находиться. Я хочу быть на уроке географии мистера Ф. Баррета, слушать, как он с воодушевлением рассказывает про дрейф континентов, расширение морского дна и теорию тектонических плит.

Но в этом сне – кстати, теперь я знаю, что это сон, кошмар, – мое тело неподвластно мне, поэтому я поднимаю руку и тянусь к девушке.

Кончики моих пальцев в нескольких дюймах от нее.

Все, что мне нужно сделать, – еще один шаг.

Еще один шаг...

Я вырвалась из сна так быстро, что мне показалось, будто я ударила ту девушку. Не только ударила, но и услышала ее крик:

– Боже мой!

Правда, это не было похоже на крик девушки, которую ударили. Мужской голос, причем довольно знакомый. Секундой позже я почти пришла в себя. Постепенно до меня дошло, где я. Дома, в гостиной. Телевизор включен. Держась за лицо, Дэниел отшатнулся от меня.

Я села прямо, затем вскочила на ноги.

– О боже! Ты в порядке?

Он поднял другую руку, удерживая меня.

– Да, я в порядке. Просто не ожидал. Похоже, это был безумный сон.

Я открыла рот, чтобы ответить, но не смогла. Обвела взглядом гостиную, как будто где-то в углу скрывался нужный ответ.

Дэниел все еще был в коричневой больничной униформе. Должно быть, он только что вернулся с работы и застал меня на диване в гостиной.

– Эмили, с тобой все в порядке?

Я слотнула и заставила себя кивнуть.

– Да, в полном порядке. Как ты сказал, просто безумный сон.

– Похоже на кошмар.

Я пропустила мимо ушей его слова и сделала шаг вперед.

– Дай посмотрю на твое лицо.

Я хотела осторожно убрать его руку, но он покачал головой и отступил.

– Со мной все в порядке.

– Дэниел.

– Я сказал: со мной все в порядке. Приму душ.

Он повернулся и направился к лестнице. Я беспомощно смотрела на него, не зная, что сказать или сделать.

Он уже почти поднялся по лестнице, когда я спросила:

– Что бы ты хотел на ужин?

Он остановился и пожал плечами.

– Мне все равно.

– Заказать готовую еду?

– Я не против.

Я даже не успела спросить его, какую именно. Прижав ладонь к щеке, он вновь снова начал подниматься по лестнице.

* * *

Дэниел спустился вниз как раз в тот момент, когда я взяла у курьера пакет с китайской едой и закрыла дверь.

В первый год нашей совместной жизни мы с Дэниелом частенько ходили в ресторан. Теперь же было достаточно открыть на телефоне приложение, нажать пару-тройку кнопок, и вуаля: еда с доставкой на дом. Курица с кунжутом для меня, му-гу-гай-пан⁵ для Дэниела плюс два яичных ролла.

Дэниел взял свой контейнер, достал из холодильника бутылку с водой и, сев за стол, уткнулся в телефон. Я села напротив него и рассеянно потыкала вилкой еду.

Должно быть, Дэниел почувствовал, что я наблюдаю за ним, потому что он оторвался от телефона, выдавил улыбку, а затем снова впился глазами в экран.

– Нормальное лицо, – сказала я.

Он снова, нахмурившись, взглянул на меня.

– Э-э-э... ну спасибо.

– Я имею в виду твою щеку. По которой я тебя ударила. С того места, где я сижу, она выглядит неплохо.

Он пожал плечами и откусил еще кусок. За окном свое ежевечернее тьяквань начал джек-рассел-терьер наших соседей, Эндрю и Барб.

Я снова посмотрела на свой ужин. Из-за графика работы Даниэля мы теперь редко ели вместе. Обычно я разогревала себе в микроволновке готовое блюдо из супермаркета или делала бутерброд, а иногда просто съедала тарелку хлопьев.

Несколько лет назад мы с Дэниелом приняли решение, что, когда мы вечером вместе дома, то будем ужинать, сидя за кухонным столом, как взрослые люди, и, хотя эта традиция продолжалась, я начала задаваться вопросом, в чем ее смысл. Дэниел редко спрашивал меня, как прошел мой день, поскольку знал, что я не могу распространяться о пациентах. Мы оба работали в сфере медицины и потому знали, как работает закон о неразглашении медицинской тайны.

Раньше Дэниел иногда рассказывал мне про свой день, про людей, с которыми имел дело в отделении «Скорой помощи», порой даже делился сплетнями, услышанными от его коллег,

⁵ Му-гу-гай-пан – блюдо из курицы с грибами.

но потом все это сошло на нет. Теперь мы разговаривали друг с другом только в крайних случаях, пара-тройка реплик с каждой стороны, но никогда ничего серьезного.

Я не валила всю вину на Дэниела. Раньше он был открытым, теплым и любящим. Порой меня мучил вопрос, какими были бы наши отношения, если бы мой отец не умер. Если бы мы поженились и переехали из таунхауса в другое место. Возможно, тогда все было бы иначе, и мы с Дэниелом не проводили бы так много времени, играя в молчанку.

– Моя подруга Оливия покончила с собой.

Я сказала эти слова, сама не зная почему. Просто хотела нарушить царившее молчание. Дэниел поднял глаза, перестал жевать и снова посмотрел на меня.

– Это случилось пару дней назад. Узнала только сегодня. Мать сообщила мне.

Дэниел проглотил кусок, положил телефон на стол и вытер салфеткой рот.

– Кто такая Оливия?

– Старая подруга. Еще по школе. Когда-то мы были близки, но я не разговаривала с ней много лет.

– Сочувствую.

Я понятия не имела, почему я не закрывала рта.

– Похороны в субботу.

– Поедешь?

– Еще не решила.

Дэниел смотрел на меня еще мгновение, ожидая, что я скажу что-то еще, а когда я промолчала, сказал:

– Черт. Сочувствую. Ужасно.

В альтернативном мире я бы представила себе совершенно другую реакцию. В этом мире мой отец все еще жив. Мы с Дэниелом женаты уже два года. Мы покинули таунхаус и переехали в собственный дом. Возможно, у нас есть собака. В хорошую погоду мы все еще ходим в походы. Зимой ездим на север покататься на лыжах.

Мы ходим с друзьями Дэниела в бары, на их кулинарные и прочие вечеринки. Иногда я даже сопровождаю Дэниела в клуб «Мальчишки-девчонки», где он до сих пор волонтерит.

Да, даже в этом альтернативном мире у нас нет собственных детей. У нас это большая тема, и она нередко становится причиной ссор.

Но эти ссоры длятся недолго. Мы всегда миримся. Мы обнимаемся, целуемся и заканчиваем ночь в одной постели, наши тела соприкасаются под простынями, мы чувствуем, что в безопасности и любимы.

В том альтернативном мире, если бы Дэниел только что узнал, что одна из моих старых подруг умерла – более того, покончила жизнь самоубийством, – он немедленно встал бы, чтобы обнять меня. Он сказал бы мне, что все будет хорошо, что он поедет со мной на похороны. Даже если бы ему пришлось для этого взять отгул или пропустить волонтерство, он был бы рядом, чтобы поддержать меня.

Но то альтернативный мир, а это – настоящая жизнь. Здесь, в ней, Дэниел взял вилку и телефон и снова ушел в тот кокон, в котором он всегда всем доволен, в свой собственный маленький мирок.

А я? У меня тоже свой замкнутый мирок. Я взяла вилку и вновь потыкала в мясо с кунжутом. Дэниел сидел напротив меня, тупо глядя в телефон. Соседский пес Эндрю и Барб продолжал тявкать, тявкать и тявкать.

4

– Вы хоть раз видели ее лицо?

– Нет.

– Вы хоть раз подошли достаточно близко, чтобы потрогать ее?

– Нет.

– Как вы думаете, кто это был?

Готового ответа у меня не было. Я села на кожаную кушетку – настоящую кожаную кушетку, а не какой-то дешевый кожзам, как в моем кабинете – и посмотрела на тонюсенький шрам на моей левой ладони.

Когда молчание затянулось, я взглянула на Лизу. Скрестив тонкие ноги, она сидела на сетчатом эргономичном кресле рядом с рабочим столом и смотрела на меня. Ей было под пятьдесят. Стройное телосложение, волевой подбородок. Насколько я знаю, она никогда не была хиппи, но обожала одеваться в их стиле – в красочные цветастые платья и топы. Когда же она двигала руками, браслеты на запястьях тонко звенели.

Лиза была вторым терапевтом, которого я посещала после окончания школы, и я приходила к ней последние два года. Как и все хорошие мозгоправы, она никогда не говорила мне того, что я хотела услышать, и всегда подталкивала меня дальше, чем мне самой хотелось бы идти.

Она наклонила голову и приподняла безупречно ухоженную бровь.

– Итак?

Я промолчала.

Лиза сняла с колен блокнот, бросила его на стол и скрестила руки.

– Почему вы сегодня такая упрямая?

– Я не упрямая.

– Вы не отвечаете на мой вопрос.

– Может, я не знаю ответа.

– Вы отлично его знаете.

Лиза была тем, кого называют психотерапевтом частной практики. Она не имела отношения к государственной медицинской помощи, поэтому клиенты были вынуждены либо иметь частную страховку, либо платить из своего кармана. Благодаря этому кабинет Лизы был намного уютнее кабинетов большинства психотерапевтов. У нее был большой дубовый стол, на котором стоял навороченный «Макинтош». Дорогой коврик защищал паркетный пол. Кожаная кушетка плюс кожаное кресло. Возле двери висели настенные часы ручной работы с римскими цифрами по кругу, добавлявшие обстановке изысканности.

Когда я не ответила, Лиза обернулась на своем сиденье, взглянула на часы и снова повернулась ко мне.

– У нас осталось двадцать минут. Вы хотите закончить прямо сейчас или вы намерены и дальше сидеть и упираться?

– Я не упираюсь.

– Конечно, упираетесь.

– Я знаю, что вы делаете.

Она снова выгнула бровь.

– Уверены?

– Да, вы намеренно вынуждаете меня защищаться. Вам кажется, что это поможет мне понять мой сон.

– Почему вы так считаете?

– Потому что я иногда делаю то же самое. И научилась этому у вас.

Она улыбнулась моим словам, но не рассмеялась. С тех пор как я начала ее посещать, я всего несколько раз слышала, как она смеется, и задалась целью попытаться рассмешить ее на каждом сеансе. Расколоть профессиональный фасад было нелегко – самое большее, что у меня получалось, это заставить ее улыбнуться, – и все же было приятно поговорить с кем-то, у кого не было каких-то тайных мотивов, с кем-то, кто не осуждал вас, когда вы ляпнули или совершили какую-то глупость.

Мой взгляд упал на фотографию Лизы и ее мужа в рамке на столе. Я уже не в первый раз задавалась вопросом, какие у них отношения. Делятся ли они за ужином чем-то важным или позволяют молчанию перерасти в стену между ними.

Мне нравилось думать, что у них хорошие отношения – хорошие, крепкие отношения, такие, которые никогда не дают трещину. Бывали времена, когда я думала, что все, что нам с Дэниелом нужно, – это дружба с парой постарше, которая умеет вместе разбираться в личных проблемах и которая помогла бы нам увидеть то, чего можно добиться.

Но этого, конечно, никогда не произойдет, по крайней мере, пока я пациентка Лизы; и даже если бы я подняла эту тему в разговоре с Дэниелом, я уверена, что он бы от нее отмахнулся.

Лиза вновь взглянула на часы.

– Пятнадцать минут.

В моей сумочке загудел телефон. Я вытащила его.

– Разве вам нравится, когда телефоны ваших пациентов звонят во время сеанса? – спросила Лиза.

Не обращая на нее внимания, я проверила, кто звонит. Номер был местный, но незнакомый. Я нажала кнопку «отклонить звонок», затем зажала кнопку сбоку и выключила телефон. Как только экран погас, я показала его Лизе.

– Вот, я его выключила. Довольны?

– Я была бы довольна, если бы вы ответили на мой первоначальный вопрос.

– А каков был ваш первоначальный вопрос?

– Не притворяйтесь, Эмили.

Я вздохнула и отвернулась.

– Не знаю.

– Чего именно вы не знаете?

– Я не знаю, кто эта девушка.

Лиза скептически посмотрела на меня, но ничего не сказала.

Я привстала на кушетке.

– Не могу вспомнить, когда мне в последний раз снился кошмар.

– А прошлой ночью у вас был один и тот же кошмар дважды.

– По крайней мере, я так помню. Сначала, когда я вздремнула, а потом позже... Я едва могла уснуть. Как тут уснешь, когда рядом храпит Дэниел.

– Не хотела ничего говорить, но вы выглядите потрепанной. – Лиза сказала это с серьезным лицом, но, посмотрев на меня, улыбнулась. – Это шутка, Эмили. Как дела у вас с Дэниелом?

Я не хотела говорить сегодня про Дэниела – как не хотела говорить о нем в большинство других дней, – но я знала, что если не отвечу, Лиза будет копать дальше.

– Все то же самое.

– Как это понимать, «все то же самое»?

– Просто... все так же.

– Вы как будто отдаляетесь друг от друга?

– Да.

– Когда вы в последний раз были близки?

– Проехали.

Лиза улыбнулась.

– Ладно, не будем. Ваш распорядок дня сильно изменился за последнее время?

– Нет, он почти тот же самый. Я иду в спортзал, ем йогурт и батончик с мюсли, затем еду в офис. То же самое сегодня утром. За исключением того, что сегодня пятница, единственный день в неделю, когда я могу удостоить вас своим присутствием, поэтому я поспешила сюда в обеденный перерыв, чтобы вы могли помучить меня.

Лиза снова улыбнулась, но ничего не сказала. На пару мгновений воцарилось молчание, и я снова тяжело вздохнула.

– Думаю... возможно, это Оливия.

Лиза смотрела на меня, ожидая, что я скажу дальше.

– А вы так не думаете, – сказала я.

– Меня в том сне не было. Я не видела того, что видели вы. Но ваша мать рассказала вам о смерти Оливии только вчера. Тот факт, что вам так быстро приснился такой яркий сон... Возможно, самоубийство вашей подруги подстегнуло то, что вы долгое время носили глубоко в себе.

Я покачала головой и провела рукой по волосам.

– Нет, дело не в Грейс. Мы это уже обсудили. Я вам все рассказала. Я бы не стала ничего скрывать.

– Может быть. Или же утаили что-то бессознательно. Возможно, в мыслях вы рассказали мне все, но что-то еще осталось.

– Например?

– Это я спрашиваю вас, Эмили. Вы стали психотерапевтом из-за этой девочки. Вся ваша жизнь пошла по иному руслу из-за вашего чувства вины. Это очень важно.

– Я знаю.

– Вы так ее и не нашли.

– Я пыталась.

– Может, вы недостаточно старались.

– Вы шутите, что ли? Я наняла частного детектива. Потратила триста долларов. Когда она и ее мать уехали, она, по сути, исчезла.

От отчаяния в собственном голосе я внутренне съежилась.

– Никто просто так не исчезает, – сказала Лиза. – Вы пробовали искать ее в Интернете? Может, она есть в «Фейсбуке».

– Я не пользуюсь «Фейсбуком».

– Рада за вас. Но, возможно, Грейс им пользуется.

– Не думаю, что Грейс – причина того, что мне приснился кошмар.

Лиза взглянула на часы.

– У нас мало времени, так что давайте закругляться. Эмили, будьте со мной честны. Скажите, вас раздражает, когда вы точно знаете, что нужно вашей клиентке, чтобы помочь себе, но она упорно отказывается это видеть?

Я не ответила.

– Думаю, именно это здесь и происходит. Как психотерапевты, мы хорошо видим, что происходит с другими людьми, когда же дело касается нас самих, мы становимся на редкость не сообразительны.

– Так что, по-вашему, мне нужно делать?

– Вы отлично знаете, что вам нужно делать.

Я на миг задумалась, затем покачала головой.

– Это было бы неловко. Я много лет не видела Оливию и не разговаривала с ней. И вдруг появлюсь неизвестно откуда...

– Позволю себе откровенность. – Лиза впилась в меня серыми, как океан, глазами. – Дело не в Оливии. Дело не в семье Оливии, хотя я уверена, они будут признательны, если вы приедете на похороны. Речь идет о том, чтобы поставить в этой истории точку.

– Какого рода точку я поставлю, если поеду на похороны Оливии?

– Вам это лучше знать. Это вам снилась девушка, у которой кровоточат запястья.

Я снова села на кушетке, так резко, что Лиза вздрогнула.

– Черт, не могу поверить, что я не соединила точки.

– Какие точки?

– Моя новая пациентка. Ее зовут Хлоя. Я видела ее только вчера, прямо перед тем, как встретила с мамой, и она рассказала мне об Оливии. Ей тринадцать, и она режет себя.

Лиза промолчала.

– Неужели вы не видите? Хлоя порезала себе запястья. Возможно... возможно, встреча с ней прямо перед тем, как я узнала о самоубийстве Оливии, и стала причиной того, что мне приснился этот сон.

Лиза ничего не сказала, просто встала со стула, разгладила складки на юбке и направилась к двери.

– Вам не кажется, что я права?

Лиза умолкла и повернулась ко мне.

– Это зависит от обстоятельств. Вам когда-нибудь снился кошмар о ком-то из ваших пациентов?

Мне не нужно было даже думать. Я покачала головой.

Лиза понимающе улыбнулась.

– Увидимся на следующей неделе, Эмили.

5

Кто бы ни звонил с неизвестного номера, он оставил сообщение на голосовой почте. Идя по парковке к своей машине, я прижала телефон к уху и включила сообщение.

– Привет, Эмили, это Кортни. Сколько лет, сколько зим. Твоя мать связалась со мной и сообщила об Оливии. Даже не верится, правда? Она сказала, что похороны завтра, в Гаррисберге, и я подумала, может, ты тоже планируешь поехать? Я подумала, что мы могли бы поехать вместе. Позвони мне, когда будет возможность.

Я проскользнула за руль и уставилась на телефон. Мне почти хотелось вновь прослушать голосовую почту – голос Кортни, такой знакомый и одновременно такой чужой, – потому что я наверняка неправильно ее расслышала, что моя мать якобы связалась с ней.

Оставить это. Вот что я решила сделать. А в следующий раз, когда я увижу мать, поговорю с ней о том, кто дал ей право раздавать посторонним людям мой номер.

Мы не разговаривали уже много лет.

* * *

От кабинета Лизы до центра «Тихая гавань» было пять миль.

Поездка обычно занимала десять минут; пятнадцать, если движение было интенсивным. В те дни, когда я посещала Лизу, я всегда следила за тем, чтобы мое расписание в первый час после обеденного перерыва оставалось открытым. Это означало, что когда я вернусь на работу, у меня еще будет запас времени. Обычно я оформляла документы, но сегодня никак не могла сосредоточиться.

Когда я добралась до кабинета, в вестибюле со своим сыном, который играл с игрушечными кубиками в углу, уже ждала какая-то женщина. Я их не знала – мальчик не был моим пациентом, – но я улыбнулась женщине и направилась к двери, которая вела к кабинетам и запиралась на кодовый замок.

Клэр, наша секретарша, сидела за стеклянной перегородкой. Когда я открыла дверь и вошла внутрь, она одарила меня ярчайшей улыбкой.

– Вкусный был ланч?

Я кивнула, улыбнулась в ответ и уже собиралась пойти по коридору к своему кабинету, когда Клэр окликнула меня:

– Я запостила новую фотографию Тедди в «Фейсбуке» на случай, если вы ее пропустили.

Тедди, насколько я помню, был внуком Клэр. Или внучатым племянником. Точно не помню. Она показала мне фотографию на своем телефоне и упомянула «Фейсбук», но я уже устала напоминать моим коллегам, что в социальных сетях меня нет. Они либо хмурились, либо спрашивали, не шучу ли я. Так что я просто кивнула, улыбнулась и сказала, что посмотрю.

«Спасибо, Клэр!» – и пошла дальше по коридору.

Сидя в тишине своего кабинета, я вытащила из сумки телефон и положила на стол. Я знала, что мне нужно делать, но не стала. Я слишком много трудилась над тем, чтобы забыть свои юные годы.

Менее чем за двадцать четыре часа большая часть этого тяжелого труда начала сходиться на нет. Сначала известие о смерти Оливии, теперь голосовое сообщение от Кортни.

Две из моих лучших подруг по средней школе. Два человека, которые несли то же бремя, что и я.

Я перевернула левую руку и посмотрела на шрам на ладони.

– Черт.

Затем взяла телефон и ответила на последний номер. Линия прогудела три раза, и с каждым гудком я думала, что нужно разорвать соединение, выключить телефон и никогда больше не включать его снова. Я могла бы купить новый с новым номером. Новый номер, которым я не поделилась бы даже с матерью, потому что, очевидно, ей тоже нельзя доверять.

После четвертого гудка звонок был переадресован на голосовую почту. Голос Кортни сообщил, что сейчас она недоступна, но, пожалуйста, оставьте имя и номер, и я перезвоню.

Еще до того как раздался звуковой сигнал, я отключила соединение и обхватила голову руками.

Что, черт возьми, я делаю? Да, Оливия мертва, и это ужасно, но какое мне до этого дело? Я не видела ее и не разговаривала с ней много лет. Да, когда-то мы были подругами, но это была совсем другая жизнь. Я сожалела о случившемся, но зачем мне ехать на ее похороны? Это ничего не изменит.

Телефон завибрировал на столе.

Я открыла глаза. Посмотрела на экран.

Кортни.

Я просто не могла ответить. Пусть снова войдет в голосовую почту. Отключу телефон на остаток дня. Но слова Лизы продолжали вертеться в глубине моего сознания. Она сказала, что это поможет мне поставить точку в этой истории.

Я ответила на звонок.

– Алло?

– Эмили, приятно слышать твой голос!

– Привет, Кортни, как дела?

– Нормально. Но, черт возьми, ты слышала про Оливию? Это же вынос мозга! Я перерыла весь «Фейсбук», пытаюсь понять, как это произошло. Я имею в виду, я первым делом подумала о...

– Так в чем дело? – перебила ее я.

– Ты слушала мою голосовую почту?

– Да.

– И?

– Что «и»?

– Ты поедешь на похороны? Насколько я могу судить, это примерно сорок-сорок пять минут езды отсюда. Если хочешь, чтобы мы поехали вместе, я не против.

– Если честно, я не помню, когда я в последний раз разговаривала с Оливией.

– Я тоже. Но что из этого? Она была нашей подругой.

Кортни сказала это так просто, так сухо, что я поняла: мне должно быть стыдно. Но ее упорство победило.

– Говоришь, ты узнала от моей матери?

– Да, она отправила мне сообщение в «Фейсбук».

– Вы с ней дружите в «Фейсбуке»?

– Она попросилась ко мне в друзья. Я приняла запрос. Так принято. Ты сама-то есть там? Не смогла тебя найти.

Я проверила на компьютере время. Мой следующий пациент прибудет через десять минут.

– Мой перерыв почти закончился. Мне нужно вернуться к работе.

– Вот как? Что ты вообще сейчас делаешь?

– Я психотерапевт.

– Круто. И ты можешь прописывать лекарства и все такое прочее?

– Нет, это делает психиатр. Послушай, Кортни, мне нужно идти.

– Понимаю. А как насчет завтра?

Я заколебалась.

– Еще не знаю, каковы мои планы.

– Ладно, но ты можешь дать мне знать, как только, так сразу? Я отправила Элизе сообщение, чтобы узнать, пойдет ли она, но она еще не ответила.

Услышав имя Элизы, я вздрогнула. Я вспомнила, что видела ее менее года назад, всего одно мгновение. Тогда я так смутилась, что опустила голову, лишь бы она меня не увидела.

– А что насчет Маккензи?

Кортни презрительно фыркнула.

– Помнишь, какой Маккензи была в средней школе? Сейчас она еще хуже. Живет в шикарном доме недалеко от Филадельфии. Вышла замуж за нейрохирурга, ты не поверишь.

– Если мы с Элизой не сможем приехать, ты все равно пойдешь?

– Я попытаюсь.

– Могу я спросить почему?

На другом конце линии на пару секунд воцарилось молчание.

– Потому что Оливия была моей подругой, – сказала она.

Зазвонил настольный телефон. Я попросила Кортни подождать секунду, затем схватила трубку и прижала ее ко второму уху. Клэр сказала, что мой пациент, назначенный на час дня, пришел рано и уже ждет в вестибюле.

– Кортни, мне пора, – сказала я, кладя трубку настольного телефона. Ее голос тотчас изменился.

– Понимаю. Дай знать, если передумаешь.

– Обязательно.

– Спасибо. Позвони или напиши, когда будешь знать наверняка.

– Нет, я хочу сказать, что приеду на похороны.

– Правда? – В ее голосе послышалась нотка надежды.

– Да.

Кортни взволнованно сказала, что пришлет мне сообщением свой адрес и увидится со мной завтра. Потом она отключилась, а я осталась сидеть, прижав телефон к уху.

Я снова закрыла глаза. Я видела Оливию такой, какой она была, когда мы учились в средней школе. Подбородок с ямочками. Безупречная улыбка.

Тонкий шрам на моей ладони как будто пульсировал. Я помнила то утро: мы все в спальне Маккензи. Блеск ножа для чистки овощей, который Маккензи тайком пронесла вверх. Как мы все ахнули, когда она порезала себе ладонь и спросила, кто следующий.

6

Сначала нас было двое.

Элиза Мартин – карие глаза, заплетенные в косички ярко-рыжие волосы – была бойкой девчушкой, которая могла разговаривать с кем угодно, включая взрослых. Я была застенчивой, в джинсовом комбинезоне, с хвостиком каштановых волос; я часто плакала, когда родители высаживали меня возле школы.

Это был подготовительный класс, и нашей учительницей была миссис Миранда. В классе было около двадцати других детей, которых я раньше никогда не видела, но с которыми я теперь должна была дружить.

Лишь на переменке – когда все по очереди качались на качелях, съезжали с горки и карабкались на лазилки – Элиза подошла к углу детской площадки, где пряталась я, и сказала мне, что мы с ней должны быть лучшими подругами.

– Лучшими подругами?

По какой-то причине это понятие было мне чуждо.

– Лучшие подруги, – повторила она с улыбкой. – Твое имя Эмили. Меня зовут Элиза. Наши имена начинаются с одной буквы.

Конечно, эти рассуждения были в высшей степени нелепыми, но мы были подготовиш-ками, и мне требовалась подружка, кто-то, кому я могла бы доверять. Кроме того, это было правдой: мы были единственными девочками в нашем классе, чьи имена начинались с буквы Э.

В нашей школе был еще один подготовительный класс, который вела мисс Гринхэм (большая поклонница книги «Зеленые яйца и ветчина»⁶ доктора Сьюза), и именно в ее классе училась Маккензи Харпер. Бойкая белокурая девчонка с ярко-голубыми глазами; она выиграла бы все конкурсы красоты в штате, если бы ее мать волновали столь тривиальные вещи, о чем Маккензи однажды и заявила. Помнится, позже тем вечером я спросила у матери, что значит «тривиальные».

В течение следующей недели или около того Элиза ввела Маккензи в наши ряды.

Так у меня появились две лучшие подруги.

Кортни Салливан тоже училась в классе мисс Гринхэм. У нее были зеленые глаза и пепельные волосы. Между передними зубами небольшая щель, которую со временем ей исправили с помощью брекетов. Она подружилась с Маккензи, и довольно скоро у меня стало трое лучших подруг.

Оливия Кэмпбелл пришла в четвертом классе, ее родители переехали в Лэнтон из Гаррисберга, и Элиза, и Маккензи сразу решили, что она идеально подходит для нашей компании. То же самое и с Дестини, когда она пришла в восьмом классе. Нас уже тогда называли гарпиями, и как только она была принята в наши ряды, наша клика сложилась окончательно.

Была ли у нашей дружбы глубокая причина? Оглядываясь назад, сложно сказать. У родителей Маккензи имелась куча денег (реально много). По всему ей полагалось пойти в частную школу, но отец в свое время окончил государственную и сумел-таки выйти в люди, и не хотел, чтобы Маккензи выросла избалованной – вернее, избалованной больше, чем уже была, – поэтому родители сначала отдали ее в начальную школу имени Линкольна, а потом в среднюю школу имени Франклина. Лишь в конце восьмого класса родители Маккензи забрали ее оттуда и заставили пообещать никогда больше ни с кем из нас не разговаривать.

У родителей Элизы тоже водились деньги, ведь ее отец был судьей округа Лэнтон. Родители Кортни были обеспеченными, как и родители Оливии и Дестини. Оглядываясь назад,

⁶ По-английски название книги читается как «Грин эгз энд хэм» («Green Eggs and Ham»).

можно сказать, что деньги были их общим знаменателем, тем, что выделяло их среди других детей в школе.

И только моя семья была из тех, кого принято называть «средним классом». У нас был двухэтажный домик в унылом пригороде, мои родители покупали только подержанные машины, у которых уже было более ста тысяч миль пробега, а мать вырезала скидочные купоны из воскресной газеты.

В конце концов, мне стали выделять карманные деньги – десять долларов в неделю, – но половина их немедленно переводилась на мой сберегательный счет.

– Потом поблагодаришь, – сказала мне мать, когда я пожаловалась.

Для меня же была важна осязаемость. Ощущение пятидолларовой купюры всегда доставляло мне прилив удовлетворения, осознания того, что деньги есть и что они у меня в руках. Увы, моя радость длилась недолго. Все заканчивалось тем, что я понимала: по сравнению с карманными деньгами других девочек это ничто. Однажды в торговом центре Маккензи показала нам хрустящую столларовую купюру, которую дал ей отец. Мы все уставились на нее, разинув рты, как будто это драгоценный клад.

Было почти противно, как девочки хвастались своими деньгами, хотя, оглядываясь в прошлое, должна признать: на самом деле они вовсе не совали свое богатство мне в лицо, не кичились им, даже если мне так казалось. Просто Маккензи или Элиза покупали все, что им хотелось, в магазинах или в фуд-корте, вынимая из кошельков наличные, как будто это катышки вorsa, мне же приходилось экономить те небольшие деньги, которые у меня были.

Именно из-за этого начала накапливаться обида на моих родителей. Неужели им непонятно, как это унижительно? У других девочек всегда была самая красивая одежда и дорогая косметика, мне же приходилось довольствоваться вещами, которые мать покупала мне в «Уолмарте»⁷.

В глубине души я опасалась, что моя бедность – мы иногда чувствовали себя бедными, ожидая, что банк заберет дом и выставит нас на улицу, – однажды вытеснит меня из школьной компании. В начальной школе популярность никогда не была проблемой, по крайней мере, для тех из нас, кто уже был там, но как только мы перешли в среднюю школу, я поняла, что должна приложить все усилия к тому, чтобы остаться в числе избранных.

Потому что если меня выкинут, куда я пойду? Спорт меня не интересовал – как, впрочем, и остальных, – поэтому я не могла дружить с девочками, которые играли в хоккей на траве, баскетбол или футбол. У моих родителей не было лишних денег, чтобы записать меня на гимнастику, даже если бы я и хотела. Мои оценки были приличными, но не впечатляющими, поэтому я не могла дружить с ботаниками. Мысль о том, чтобы пополнить компанию лузеров, была мне невыносима. Возможно, я стала бы таким кочевником, одной из тех неприкаянных душ, которые ни с кем не дружат, растут в одиночестве и умирают без семьи или друзей.

Конечно, мелодраматично, но в то время я так думала.

Только в средней школе до меня дошло, что я не имею на своих подруг никакого влияния. Когда мы решали, чем нам заняться или куда пойти – в торговый центр, в кино или к кому-то домой, – идею всегда выдвигали Элиза или Маккензи. Иногда Кортни. Даже Оливия, хотя и изредка.

Но ни разу я.

Нет, я тоже что-то предлагала, но вскоре стало ясно: мое мнение никому не интересно. Я могла удостоиться улыбки или кивка, но это все. Довольно скоро я вообще перестала высказывать свое мнение.

Это усугубилось, когда в восьмом классе появилась Дестини. Я дружила с Элизой и Маккензи с подготовительного класса, так что можно подумать, что к моему голосу должны были

⁷ «Уолмарт» – крупнейшая в мире розничная сеть; ее ценовую политику можно назвать бюджетной.

прислушиваться. Но нет. То ли из-за того, что у родителей Дестини было больше денег, чем у моих, то ли из-за того, что она была красивее меня, ее голос имел больший вес. Большую власть. Больше влияние.

Вскоре я поняла: я должна сделать все возможное, если хочу и дальше оставаться гарпией.

Даже если это означало нарушение закона.

* * *

Трудно определить момент, когда началось наше преступное поведение. Называть его преступным – большая натяжка, по крайней мере, по сравнению с реальными преступлениями. Худшее, что мы когда-либо себе позволяли – подворовывать в магазине.

Думаю, назвать это легкомысленным не совсем правильно, но именно так нам казалось. Когда мы воровали, то не с каким-то преступным умыслом. Просто, чтобы чем-то заняться.

Но до этого мы начали соперничать. По крайней мере, Маккензи, Элиза и Кортни начали соперничать.

Некоторые вещи были вне нашего контроля: например, чей отец заработал больше всего денег (Маккензи). Другие зависели от природы: например, у кого раньше всех начались месячные (у Кортни к концу пятого класса, хотя Маккензи отказалась поверить, и Кортни повела нас в туалет, чтобы это доказать. От вида крови меня чуть не вырвало, и я с ужасом ждала того дня, когда у меня тоже начнутся месячные).

Но, конечно, были вещи более или менее полностью в нашей власти. Например, у кого первой появился парень (Маккензи), кто первая проколола уши (Элиза), кто первая поцеловалась (Маккензи), кто первая отдрочила парню (Элиза), кто сделала первый минет (Кортни) и кто первой занималась настоящим сексом (Маккензи со своим тогдашним парнем Билли Мэддоксом во время рождественских каникул в восьмом классе).

В какой-то момент наше превращение из маленьких девочек во взрослеющих подростков превратилось в очевидный процесс.

Маккензи, которая годами была миниатюрной, выросла на несколько дюймов. Она всегда была красива, но теперь ее красота стала более явной, более ощутимой, но это была искусственная красота, напоминавшая о кукле Барби. Все в ней было идеально – нос, щеки, подбородок, уши, не говоря уже о гладких шелковистых светлых волосах. Глядя на нее, можно было подумать, что она каждое утро проводила по несколько часов перед зеркалом, причесываясь, выщипывая волоски, исследуя кожу лица на предмет предательских следов угревой сыпи.

Если подумать, в средней школе я ни разу не видела, чтобы у Маккензи хотя бы раз выскочил прыщик.

Элиза была другой. Она была так же красива, как и Маккензи, но ее красота была более естественной, более здоровой. Клянусь, бывали дни, когда она даже не красилась, но выглядела безупречно.

К тому же Элиза всем нравилась, особенно мальчикам, но также и большинству девочек, даже учителям. У нее была медленная очаровательная улыбка, от которой вам тоже хотелось улыбаться.

В отличие от Маккензи, которая была популярна из-за своих денег и внешности, а также из-за того, что она буквально источала уверенность в себе и надменность, Элиза со всеми ладила. Когда мы гуляли по коридорам между уроками, казалось, все горели желанием поздороваться с ней. Элиза всегда с искренней улыбкой отвечала на приветствия.

А вот Оливии не хватало хладнокровной уверенности, присущей любой красоте. С седьмого класса она начала бороться с лишним весом. Как говорила моя мать, она была сладкоже-

кой. Ее главной слабостью было печенье «Орео» – грызть печеньки было ее нервной привычкой. Оливия часто держала пачку в своем шкафчике, чтобы «похомячить» между уроками.

На самом деле у нее не было лишнего веса, но Маккензи постоянно третировала ее: иногда протягивала руку, чтобы ущипнуть ее за живот в раздевалке после спортзала. Не единожды, пока Оливия была в пределах слышимости, называла ее Хомячихой, и, хотя мне это совсем не нравилось, я хихикала вместе с остальными, радуясь тому, что в том, что касалось сладостей, я умела проявлять большую выдержку и что на этот раз издёвка Маккензи направлена на кого-то еще.

И все же издёвки доводили Оливию до слез. Бывали времена, когда она пыталась морить себя голодом или вызывала рвоту после ланча, стремясь достичь заветного значения веса, установленного где-то в голове.

У Кортни всегда было гибкое тело, но в средней школе оно стало еще более гибким, особенно после того как она начала заниматься гимнастикой (у ее родителей, конечно же, были деньги, чтобы записать ее в секцию). Еще до того, как она научилась делать сальто, ходить по бревну и крутиться на брусьях, она двигалась с грацией гимнастки, плавно петляя между учениками в коридоре, выполняла на улице после школы стойку на руках и не раз говорила о том, что мечтает попасть в олимпийскую сборную.

Хотя я и была частью популярной компании, все равно оставалась застенчивой. В средней школе у меня было несколько парней (Мэтт Кэллоу, Питер Лайонс и Эдриан Фицсиммонс), но эти отношения длились недолго. Парни вскоре понимали, что я не собираюсь им давать или даже дрончить.

Я тискалась с ними, не обращая внимания на жар у себя между ног, позволяла им тереться об меня, и все. И не потому, что я была ханжой, хотя моя мать, воспитанная набожной католичкой, не раз наставляла меня, что я должна «сохранить себя» для брака, потому что «так делают хорошие девочки». Просто я чувствовала себя некомфортно и побаивалась, что могу только все испортить, если дело пойдет слишком далеко.

Однажды Элиза застала меня в туалете, когда я плакала, потому что Джейк Рейнолдс сказал мне, что я ему больше не нравлюсь.

– Я слышала, что случилось, – сказала она, мягко кладя руку мне на спину. – Джейк просто мудака.

Я вытерла глаза. Была готова придушить Элизу за то, что она увидела мои слезы. Из-за этого я почувствовала себя слабой. Уязвимой.

– Он хотел, чтобы я...

Я не договорила, устыдившись того, чего Джейк хотел от меня, и обеспокоившись тем, что Элиза подумает обо мне из-за отказа.

Она покачала головой, отмахиваясь от моих слов.

– Я же сказала, что он мудака. Ты не должна позволять Джейку или любому из этих парней принуждать тебя делать то, чего ты не хочешь. Так мне сказала мама.

Меня шокировала сама мысль о том, что мать Элизы знала, чем занимается ее дочь. Я бы умерла, узнай моя мать хотя бы половину того, во что я вляпывалась.

– А твоя мама... она знает о...

Элиза снова покачала головой, и серьги в форме сердечек вспыхнули в свете флуоресцентных ламп туалета.

– Она сказала мне, что когда-то тоже была молодой и поэтому знает, что происходит. Просто посоветовала быть осторожной. Особенно на Ферме.

Ферма – так мы называли небольшой двухэтажный дом на краю поля для гольфа при загородном клубе. Это был старый дом, частично каменный, частично деревянный. В любое время года здесь пахло влажной землей. Судя по тому, что я слышала, ему было не менее ста лет. Он считался историческим сооружением, и поэтому загородный клуб оставил его как есть.

В клубе знали, что местные подростки ходят туда поздно вечером – выпивать, принимать наркотики или заниматься сексом, но родители этих местных подростков были членами загородного клуба и платили огромные взносы, поэтому сотрудники службы безопасности закрывали глаза на их проделки и реагировали, только если вечеринка перерастала в пьяный дебош.

Ферма – именно там мы все впервые выпили бутылку водки «Смирнофф», которую Кортни стащила из бара своего отца, и впервые выкурили сигареты, которые Оливия украла из отцовской записки.

И именно там с Грейс Фармер случилось нечто ужасное.

В ту ночь меня там не было, но я узнала об этом позже. Впоследствии сама идея провести время на Ферме вызвала у меня отвращение. Мне было противно возвращаться туда, но мой голос никогда не принимался в расчет, когда речь шла о том, где нам болтаться.

В любом случае это не имело значения, потому что вскоре несколько десятиклассников угодили в неприятности из-за того, что подожгли это место.

Но воровство... Не знаю, когда оно началось. Помню лишь, как однажды на выходных мы всей компанией нагрянули в торговый центр. Мы заглянули в магазин «Навсегда 21», и там был серебряный браслет со стразами, на который я положила глаз, но он стоил десять долларов, а у меня в кармане было только семь.

– Я заплачу остаток, – сказала Элиза, подходя ко мне сзади, чтобы посмотреть, что привлекло мое внимание.

Я почти сдалась. Я действительно хотела этот браслет, но это было похоже на благотворительность, как будто Элиза – а в ее лице и остальные – смотрит на меня свысока.

– Нет, как-нибудь обойдусь.

Я не покривила душой. Это был симпатичный браслет, но он не мог изменить мою жизнь. Я выбросила его из головы и продолжила бродить следом за другими девочками по магазину, а потом и остальному торговому центру.

Потом мы оказались в фургоне миссис Салливан – он всегда сверкал чистотой, потому что каждые выходные она отвозила его на автомойку, где его мыли, натирали воском и пылесосили – и по дороге домой Элиза вытащила из кармана браслет и сунула его мне в руку.

Я посмотрела на него, не сразу поняв, что это. Затем я взглянула на Элизу. Та довольно ухмылялась мне.

– Я же сказала, что мне он не нужен, – прошептала я.

Она пожала плечами.

– Да, но ты его хотела.

– Спасибо. Я верну тебе деньги.

– Зачем? Я не платила за него.

Мне потребовалась дополнительная секунда, чтобы понять, что она говорит. Мои глаза, должно быть, полезли на лоб, потому что Элиза снова ухмыльнулась.

– Успокойся, – прошептала она. – Мы делаем это постоянно.

– Правда?

– Да, але!

В этот момент Маккензи наклонилась из заднего ряда вперед и сунула голову между нами. Ее пахнущее жевательной резинкой дыхание обжигало мое ухо.

– Малютка Эмили, тебе лучше не визжать.

Малютка Эмили. Так называла меня Маккензи, когда хотела унижить, как и все еще иногда называла Оливию Хомячихой, хотя та утверждала, что отказалась от «Орео». В средней школе на смену Малютке Эмили пришла моя фамилия.

– Я не буду.

– Ты знаешь, что ей нужно сделать, – сказала Маккензи, направляя пахучее дыхание на Элизу. – Она должна доказать, что она настоящая гарпия.

Элиза снова улыбнулась мне и быстро подмигнула. На миг я увидела ту Элизу, которая была моей первой и самой лучшей подружкой.

– Тогда в следующие выходные. Эмили определенно одна из нас. Так ведь, Эмили?

Что мне оставалось делать? Я кивнула, сунула браслет в карман и прошептала слова, ставшие нашим девизом:

– Гарпия навсегда.

* * *

После случая с Грейс наши пути разошлись.

Некоторых из нас забрали из школы. Маккензи отправили учиться в частную школу, Дестини забрали потому, что ее отец нашел новую работу на юге, Оливию – потому, что ее семья вернулась в Гаррисберг, но несколько человек остались. Например, Элиза и Кортни. Но Элиза начала тусоваться с другой компанией, и хотя я много лет называла ее своей лучшей подругой, больше почти не видела.

Мы с Кортни мало общались в девятом классе, но в десятом снова начали вместе тусоваться, и она стала моей лучшей (возможно, единственной настоящей) подругой.

В предпоследнем классе она забеременела от какого-то парня из технического училища. Она серьезно ни с кем не встречалась, просто болтала и тусовалась со случайными парнями, а потом однажды отвела меня в сторону в туалете и сказала, что последние два утра ее рвало и что... – Кортни умолкла, сглотнула, ее лицо было нехарактерно бледным –... она думает, что беременна.

Накануне вечером она взяла тест, но слишком нервничала, чтобы сделать его самостоятельно, поэтому мы улизнули после ланча и вернулись ко мне домой.

Проверив результат – мы были в моей спальне, в доме было тихо, потому что родители были на работе, – она расплакалась, хотя я не знала, были это слезы радости или горя. Она просто сидела на ковре, прислонившись к моей кровати, подтянув колени к груди, и рыдала.

Я опустила на колени рядом с ней, обняла ее и прижала к себе. Кортни снова и снова шептала одно и то же:

– Ну все, ну все, ну все, – но было непонятно, что она имела в виду.

Невысказанный вопрос заключался в том, хочет ли Кортни сделать аборт. В соседнем округе была клиника. Съездить туда проще простого. Я предложила забрать ее. Сказала, что мы можем на один день пропустить уроки. Кортни ответила, что подумает. Обняла меня и промолвила, что я ее верный друг.

– Все будет хорошо, – заверила ее я.

Она покачала головой, и я почувствовала, как ее бьет дрожь.

– Нет, не будет, – дрожащим шепотом сказала она.

– Откуда ты знаешь?

И она посмотрела на меня со слезами на глазах и спросила:

– Помнишь Тайлера Маршалла?

Тайлер был старшим братом Дестини. Он учился на год старше нас – атлетичный, симпатичный, приветливый всякий раз, когда видел нас. Особенно Кортни. Тайлер пригласил ее быть его девушкой на зимнем балу, что было большим событием, потому что Тайлер был старшеклассником, и эти танцы устраивались для старшеклассников. Кортни пришла в восторг, но как будто слегка нервничала, что не имело для меня смысла до того дня, когда она сказала нам, что у нее нет иного выбора, кроме как рассказать об этом своим родителям.

Она пригласила нас с Элизой. Сначала сказала об этом матери, и та, похоже, тоже пришла в восторг, хлопала от радости в ладоши и даже спросила о Тайлере, потому что не слышала о нем раньше, но довольно скоро стало ясно, что тут что-то не так.

Мы с Элизой сидели рядом на диване, наблюдая, как разыгрывается драма, и в какой-то момент Элиза прошептала:

– Вот дерьмо.

Я не осознавала этого до того дня, но Дестини ни разу не пригласили в дом Кортни. Насколько я могу судить, родители Кортни так и не узнали, что Дестини была одной из подруг дочери. Но теперь мать поспешила схватить последний выпуск школьной газеты – Кортни проговорила, что Тайлер член школьной баскетбольной команды, – и как только пролистала ее, чтобы найти Тайлера, улыбка на ее лице начала меркнуть.

Отец Кортни был дома, но находился в другой комнате.

– Ты не можешь поступить так со своим отцом, – сказала мать Кортни, понизив голос.

Кортни, как я поняла, уже была на грани слез, и слова матери отнюдь не помогли.

– Мама, – настойчиво прошептала она.

– Ему надо сказать.

– Но, мама...

Мать Кортни повернулась ко мне и Элизе:

– Мне очень жаль, девочки, но, думаю, вам лучше пойти домой. Мне вас подвезти, или вы сможете дойти до дома Элизы пешком?

Элиза жила недалеко. Может, в полумиле от них. Мы могли быстро пройти напрямик через поле. Это заняло бы всего несколько минут. Но просьба была необычной, такую не каждый день услышишь от чьей-то матери, и Кортни тотчас заплакала. Элиза встала с дивана.

– Пойдем пешком.

Мы вышли за дверь, но далеко не ушли. Элиза провела меня вокруг дома и остановилась под окнами гостиной. Нам был слышен голос отца Кортни. Громкий, угрожающий.

– Даже не думай. Я не позволю, чтобы моя дочь пошла на танцульки с черным.

Голос был не только угрожающим, он дышал злобой, о существовании которой я никогда не догадывалась. После того дня я никогда не могла смотреть на родителей Кортни, не вспоминая слова ее отца.

Очевидно, все это было на уме у Кортни в тот день в моей спальне: положительный тест на беременность лежал на ковре рядом с нами. Тайлер Маршалл переехал три года назад вместе с Дестини и их семьей, но эпизод, когда отец орал на нее за то, что она согласилась пойти на танцы с Тайлером, все еще был свеж в ее памяти. Ей было страшно, что может сделать родитель теперь, когда узнает, что отец ребенка черный.

В конце концов Кортни отказалась от аборта. И рассказала родителям. Судя по словам Кортни, мать проявила понимание и была готова сделать все, что требовалось, но отец даже слышать не хотел. Он наорал даже громче, чем в тот день в восьмом классе. Позже Кортни призналась мне, что она часто боялась отца, но никогда не боялась за свою жизнь так, как в тот момент.

Отец выгнал ее из дома, а мать, которая, по словам Кортни, всегда немного боялась мужа, пальцем не пошевелила, чтобы его остановить.

В конце концов Кортни бросила школу. Бабушка по материнской линии, которая ненавидела расизм зятя, взяла Кортни и ребенка к себе и помогала ей растить его, точнее ее.

Красивую маленькую девочку по имени Терри. Кортни однажды сказала мне, что у нее карие глаза, совсем как у ее отца. После этого она больше ни разу не обмолвилась о Тайлере. Он решил не участвовать в жизни своей дочери, и Кортни это устроило. Его имя даже не было внесено в свидетельство о рождении.

У бабушки с деньгами было негусто, поэтому Кортни была вынуждена работать. Однако она получила аттестат, и в последний год я часто навещала ее. Я была ее единственным переходным звеном из старой жизни в новую. Она расспрашивала меня о школе, о подругах, с

которыми когда-то болтала каждый день. Некоторые из них по-прежнему поддерживали с ней связь, но большинство жили своей жизнью.

Думаю, именно тогда я поняла, что это правда: многие друзья по школе станут теми, кого вы больше никогда не увидите. Единственное, что удерживает вас вместе – это гигантское здание. Стоит вам выйти из него, как невидимые пути лопнут, и вы окажетесь на свободе.

В последний раз я видела Кортни летом после выпуска, прямо перед отлетом в Калифорнию. Ее бабушка позвонила мне поздно вечером, потому что Кортни была пьяна. Я отправилась прямо к ним и пробыла там несколько часов, пока не смогла уложить Кортни в постель, но не раньше, чем были сказаны слова, которых уже не вернуть назад.

После этого я перестала отвечать на ее звонки и электронные письма. Она даже позвонила моей матери, спросила, все ли со мной в порядке и не обижаюсь ли я на нее. Я пообещала матери, что свяжусь с Кортни и скажу, что со мной все в порядке, что между нами все прекрасно.

Но это не так. И для меня никогда не будет.

7

«Хайленд-Эстейтс» был из разряда жилых комплексов, которые пытаются обмануть вас, заманить в ловушку. Пафосное название, некачественное жилье, близость к шумной автодороге.

Кортни и ее дочь жили в корпусе Е. Я припарковалась на открытой площадке перед домом и, держа машину на холостом ходу, написала ей, что уже здесь.

Прошла пара секунд, и затем последовал ее ответ.

Иду!

Что-то в восклицательном знаке вызывало у меня раздражение. Я понимала: вероятно, Кортни ничего не имела в виду, но воодушевление в этом простом знаке ранним субботним утром казалось неуместным, особенно принимая во внимание цель поездки.

Когда Кортни вышла из корпуса Е, я ее не узнала. Подумала, что это какая-то другая жилища. Сделав несколько шагов вперед, она поднесла руку ко лбу, прикрывая от солнца глаза. Наконец заметила меня. Наши взгляды встретились, и в ту секунду, когда я поняла, что передо мной Кортни, оказалась в шоке.

В старших классах Кортни была худой, но это была здоровая худоба, хотя она и бросила заниматься гимнастикой. После рождения ребенка ей удалось сохранить форму. Теперь же... она выглядела худющей. И худоба эта была отнюдь не здоровой.

Хотя мы с ней об этом не договаривались, я увидела, что на Кортни костюм, похожий на мой собственный: темная юбка, серый топ и балетки. Подойдя к моей машине – двигаясь, как всегда, грациозно, словно скользя по тротуару, – она наклонилась, и ее осунувшееся лицо заполнило открытое боковое окно.

– Эмили?

– Привет, Кортни.

От волнения Кортни едва не оторвала дверь. Она запрыгнула на пассажирское сиденье и, наклонившись над центральной консолью, обняла меня, обдав ароматом шампуня и духов.

– Как же давно это было! Не могу вспомнить, когда видела тебя в последний раз!

Ее объятия застали меня врасплох. Я никогда не была большой любительницей обнимашек.

По крайней мере, после окончания школы. А в школе обнимашки были нашим любимым занятием: мы обнимали друг дружку в коридоре, чмокались в щеки, но после всего, что случилось, от одной только мысли о том, чтобы кого-то обнять, у меня оставался дурной привкус во рту. Нет, у меня не было проблем с тем, чтобы обнять мать или Дэниела (в те редкие нынче случаи, когда мы с Дэниелом обнимались), но подруги, особенно те, кого я не видела годами – это совсем другая история.

Когда Кортни откинулась на спинку сиденья, она заметила на моем пальце бриллиант и даже схватила меня за руку, чтобы рассмотреть его ближе.

– Господи, какой огромный! Я не знала, что ты помолвлена. Поздравляю!

Я было подумала, что она снова обнимет меня, но Кортни продолжала пожирать взглядом камень. Тот был большим, но отнюдь не огромным. Когда мы еще только встречались с Дэниелом и начали обсуждать возможность брака, я сказала ему, что меня не волнует размер бриллианта, и сказано это было не для красного словца. Я была бы так же счастлива, если бы никакого бриллианта вовсе не было. Не уверена, что Эмили из средней школы одобрила бы это, но, возможно, я сказала это в пику ей.

Я убрала руку и положила ее на руль.

– Спасибо. И прежде чем ты спросишь, его зовут Дэниел, и он работает в неотложке.

– Круто. У тебя есть его фотка?

Прежде чем я успела ответить, Кортни вытащила свой телефон и показала мне экран. Там была изображена маленькая девочка. Очевидно, Терри, и ей на вид было лет десять. Черные волосы собраны в пучок. Ямочки на щеках. Карие глаза, такие же, как и в младенчестве. Сходство с Кортни было очевидным.

– Красивая, – сказала я.

Кортни наклонила телефон, чтобы посмотреть на экран, и ее улыбка засияла еще ярче. Я заметила на внутренней стороне ее левого запястья татуировку: имя «Терри» курсивом.

– Еще бы! А какая она умница! И я говорю это не только потому, что она моя дочь. Она прямо суперумная. Отличница в школе. Читает пару книг в неделю. Она потрясающая.

– Похоже на то. Где она сейчас?

– С няней. Ты должна как-нибудь зайти. Она будет рада увидеть свою тетю Эмили.

Тетя Эмили. Я не слышала этих слов много лет. Кортни начала меня так называть после того как родила Терри. Всегда говорила, что у ее ребенка нет бабушек и дедушек, зато у нее есть мать, прабабушка и тетя Эмили. Тогда это было мило, но сейчас уже все не так.

Все еще улыбаясь мне, Кортни сунула телефон в сумочку. Сидя с ней рядом, я смогла рассмотреть ее ближе. Ее светлые волосы были собраны в хвост, но я заметила розовый подкрас и то, что она была почти без косметики.

– Что? – спросила я.

Зеленые глаза в упор смотрели на меня.

– Ну? Разве ты мне ничего не покажешь?

Понимая, что мы не уедем, пока я не сдамся, я вытащила телефон и прокрутила галерею, чтобы найти фотографию Дэниела. Пришлось прокрутить дальше, чем следовало бы, хотя фоток у меня было не так уж и много. В прошлом году, да и потом я не чувствовала потребности документировать время, проведенное вместе. Как, впрочем, и Дэниел.

Наконец я дошла до снимка, сделанного в походе примерно год назад. Дэниел был в шортах и футболке, через плечо перекинут рюкзак. Лицо закрывали солнечные очки, но он улыбался, и я была вынуждена признать, что это милая фотка. Кстати, интересно, а какие мои фотки все еще могут быть на его телефоне?

Кортни громко присвистнула.

– Да он красавчик.

Я сунула телефон обратно в сумочку, радуясь, что этот спектакль закончился.

– Спасибо. Нам пора. Мы ведь не хотим опаздывать.

8

Траурный зал Грейсона представлял собой большую комнату с обоями темных успокаивающих тонов. Цветочные композиции, главным образом на небольших столиках, добавляли необходимую яркую нотку.

В зале стояли складные стулья, где-то четыре десятка, и большинство уже были заняты.

Впереди к гробу выстроилась короткая очередь. С того места, где мы стояли, мне была видна голова Оливии: закрытые глаза, умиротворенное лицо.

Родители Оливии встречали приехавших. Как и сестра, чье имя внезапно вылетело у меня из головы. Она была на два года младше нас, и я мало общалась с ней, разве что иногда видела ее в их доме. Отец Оливии работал в банке, кажется, занимался ссудами, мать была бухгалтером. Или, по крайней мере, так было, когда мы учились в средней школе.

Кортни взяла инициативу на себя. Взяв в одну руку программку, она наклонилась, чтобы быстро обнять миссис Кэмпбелл. Та сначала растерялась, не понимая, кто эта молодая женщина, но затем, судя по ее лицу, все же узнала Кортни.

Она выдавила грустную улыбку.

– Кортни Салливан, верно?

Кортни с серьезным лицом кивнула и взмахом руки указала на меня.

– Мы приехали вместе. Я была потрясена, услышав о случившемся. Примите наши глубочайшие соболезнования.

Взгляд миссис Кэмпбелл упал на меня.

– Привет, Эмили.

Она сказала это тихо, почти равнодушно, и я почувствовала, как глубоко внутри меня что-то увяло.

Я поспешила изобразить печальную улыбку:

– Здравствуйтесь, миссис Кэмпбелл.

Она протянула руку, давая понять, что вторые объятия ей ни к чему. Ее рука была худой, кожа похожа на бумагу.

– Мы ценим твое участие, – сказала мисс Кэмпбелл. – Когда твоя мать сказала мне, что ты можешь приехать, я не знала, чего ожидать.

А я не знала, как на это ответить, поэтому просто кивнула, пожала руку мистеру Кэмпбеллу и встала в очередь к сестре Оливии, Карен.

– Ты помнишь Эмили Беннет? – спросила у нее Кортни. – Эмили, ты помнишь Карен?

У Карен было то же круглое лицо, что и у Оливии. Она была в черном облегающем платье, длинные каштановые волосы ниспадали на плечи. В левой руке она сжимала скомканный носовой платок и, шмыгнув носом, улыбнулась нам.

– Спасибо вам обеим, что приехали. Я не уверена, что кто-то еще из школы это сделал.

Беглый взгляд показал, что большинство присутствовавших в траурном зале были старше нас – возраста родителей покойной – и в строгих деловых костюмах. Большинство, как я поняла, были сослуживцами Оливии или людьми, которые работали с мистером и миссис Кэмпбелл.

Карен указала на первый ряд, на мужчину и мальчика в серых костюмах. Это были ее муж Джерри и их сын Даллас. Джерри, в очках в роговой оправе, держал Далласа на коленях, поставив перед ним сотовый телефон, чтобы как-то отвлечь.

Карен вытерла глаза.

– Думаю, Оливия была бы очень признательна, что вы двое приехали. Для нее это значило бы все на свете.

Кортни взяла Карен за руку, ободряюще пожала ее и подошла к гробу.

Я последовала за ней, чувствуя, как у меня скрутило живот. Не то чтобы я боялась покойников. Просто Оливия была моей подругой... ну, или бывшей подругой. Мы сплетничали о мальчиках. Делились секретами. Красили друг дружке ногти.

А теперь она мертва.

По крайней мере, в гробу Оливия выглядела умиротворенной. Хотя бы это. Я вспомнила, что говорилось в посте ее матери в «Фейсбуке» о том, как сильно она страдала. Каким образом и по какой причине Оливия покончила с собой, оставалось загадкой, но она выглядела так, словно сейчас отдыхала, и это казалось самым большим, о чем только можно мечтать.

* * *

Секреты.

Одна из самых ценных валют для девочки в средней школе.

Нечто такое, что способно укрепить или разрушить дружбу. Нечто такое, чем мы все были одержимы. Мы обожали сплетничать, однако собственные секреты старались держать при себе. Что было особенно странно, когда Маккензи потребовала, чтобы мы дали клятву на крови, пообещав, что никогда никому не расскажем о том, что сделали с Грейс Фармер.

Для гарпий секреты были источником жизненной силы. Они нас питали. Делали нас сильными.

Помню, как однажды в восьмом классе – в начале учебного года, за несколько месяцев до того, как появилась Грейс, когда мне казалось, что меня вот-вот лишат статуса, – я застала Оливию в туалете рядом со спортзалом. Она заперлась в одной из кабинок и плакала так тихо, что ее плач напоминал кошачье мяуканье.

Я постучала в дверь кабинки.

– С тобой все в порядке?

Тихие рыдания прекратились, но ответила она не сразу:

– Да, все в порядке.

– Оливия.

Еще секунда молчания, затем щелкнул замок и дверь открылась. Оливия стояла передо мной и вытирала глаза.

– Эмили?

– Что случилось?

– Ничего.

– Скажи мне.

– Я же сказала, ничего.

Я скрестила на груди руки, пытаюсь одарить ее взглядом, которым в совершенстве владела Элиза, когда она хотела, чтобы кто-то прекратил маяться ерундой. Элиза научилась этому взгляду у отца, который имел дело в суде с преступниками и адвокатами, пытавшимися втюхать ему всякий вздор.

Оливия снова вытерла глаза и громко шмыгнула носом.

– Просто оставь меня в покое, хорошо?

В иной ситуации я бы ее послушала, кивнула головой, извинилась, выскочила из туалета и вела бы себя так, как будто всего этого никогда не было. Но Оливию что-то явно беспокоило, и я сочла своим долгом вмешаться, как обычно это делали Элиза или Маккензи.

Сначала я подумала, что, возможно, это связано с едой – я видела накануне, как Оливия таскает из рюкзака печенье, – но страдание на ее лице было другим, поэтому я задала первый вопрос, который пришел в голову:

– Тебя кто-то обидел?

– Нет! Никто меня не обижал, – поспешно ответила она и сделала большие глаза.

– Тогда в чем дело?

Должно быть, Оливия поняла, что я не собираюсь уступать, или же ей действительно хотелось кому-нибудь рассказать, потому что она вздохнула.

– Просто... – начала она, сдерживая слезы. Ее взгляд метался по туалету, лишь бы не смотреть на меня. – Мои родители...

– Что твои родители?

– Я подслушала их вчера вечером. Они ругались. Они... – ее голос сорвался, и она снова расплакалась. – Думаю, они разведутся.

Я не знала, что сказать. В нашей школе были и другие девочки, чьи родители развелись, но из наших родителей этого пока никто не сделал. До того момента мне и в голову не могло прийти, что мои родители могут расстаться. Да, они иногда ссорились, иногда весь семейный ужин могли не разговаривать друг с другом, но их любовь была настолько чистой, что сама мысль о разводе разбила бы мне сердце.

Я представила себе, что узнай я, что мои родители говорят о разводе, я бы тоже заперлась в туалетной кабинке и тоже разревелась.

– Только никому не говори, – сказала Оливия, в упор на меня глядя. – Карен не знает, и я не хочу, чтобы она знала. Обещай мне, что ты не скажешь другим девочкам. Пожалуйста, *пообещай*.

Секрет. Только наш вдвоем секрет.

– Обещаю.

И я сдержала свое обещание, гордая и верная, пока через две недели мы все не оказались в доме Маккензи. Оливия еще туда не приехала, и Маккензи огляделась по сторонам так, будто в ее спальне собралась толпа, затем подалась вперед и понизила голос:

– Она взяла с меня обещание никому не рассказывать, но угадайте, что происходит с родителями Оливии.

– Что? – спросила Дестини.

– Они разводятся!

Маккензи почти взвизгнула, как будто не могла сдержать возбуждения, а остальные девочки ахнули, даже я, так как знала, что обязана это сделать.

Как оказалось, это было неправдой. Хотя родители Оливии обсуждали такую возможность, в конце концов они решили остаться вместе. Но в тот день я изобразила удивление, как будто ничего не знала. Как будто это не было секретом, которым Оливия поделилась со мной. И только мы двое знали о нем, и никто другой.

Потому что оно и не было.

* * *

Суматоха началась в середине церемонии. Карен рассказывала историю о своей свадьбе, о том, как Оливия, будучи подружкой невесты, страшно нервничала, боясь произносить речь, но в конце концов прекрасно с ней справилась, заставив всех смеяться и плакать.

Когда Карен дошла до той части, где Оливия читала написанное для молодоженов стихотворение, в коридоре послышались голоса, напряженные и сердитые. Дверь в задней части зала открылась, и внутрь шагнул крупный мужчина лет тридцати с небольшим. Он был лыс, с густой бородой, в темных брюках, рубашке и галстук. Как только он появился, мистер Кэмпбелл вскочил и грозно указал на него пальцем.

– Тебе здесь не рады.

Он не повысил голоса, но холодная ярость его слов заставила всех обернуться на дальний конец комнаты.

Подняв руки в знак капитуляции, мужчина сделал несколько шагов вперед.

– Я хочу увидеть ее в последний раз.

Молодой человек, раздававший похоронные программки, поспешил к двери и встал между женщиной и передней частью зала.

– Сэр, я же сказал вам: вы не можете здесь находиться. Отец вызовет полицию.

Мистер Кэмпбелл уже шагнул по проходу к незваному гостю. Он не торопился, шагнул размеренным шагом, лицо его было бесстрастным.

– Филип, тебе лучше уйти.

Филип покачал головой, на его глаза навернулись слезы.

– Но...

– Никаких «но»! – Мистер Кэмпбелл вновь поднял руку и ткнул в него пальцем. – Не здесь. Не сегодня. Ты проявляешь неуважение к ее памяти.

Муж Карен, Джерри, передал Далласа миссис Кэмпбелл и уже торопился по проходу, чтобы поддержать тестя.

Дверь снова открылась. Мимо Филипа внутрь прошел новый мужчина и повернулся, чтобы встать рядом со своим сыном. Он был старше на вид. На нем был темный костюм. Похоже, это был распорядитель похорон.

– Полиция уже в пути, – сообщил он.

Филип замер, глядя в зал на лежащую в гробу Оливию. По его лицу катились слезы. Так прошло несколько секунд, затем его плечи поникли. Он склонил голову, развернулся и вышел.

Потребовалось несколько минут, чтобы все успокоилось. Кэмпбелл и Джерри вернулись на свои места, распорядитель похорон извинился за причиненные неудобства. Все это время Карен не сдвинулась со своего места в передней части зала. Она стояла, все еще сжимая в руке скомканный платок, до тех пор, пока не стало ясно, что все улеглось и она может продолжить свою речь.

– Я... Не помню, где остановилась. Так что я, пожалуй... – она умолкла и облизнула губы, – пожалуй, я начну с самого начала.

* * *

Кладбище было в десяти минутах езды. Здесь уже поставили белый шатер, а под ним – несколько стульев. Там сидели миссис Кэмпбелл и Карен. Карен держала на руках сына, а мистер Кэмпбелл, Джерри и еще несколько человек помогли перенести гроб с катафалка. Мы с Кортни встали вместе с остальной толпой. Небо было ярким, и почти все были в солнечных очках. Я была рада, что надела балетки, иначе каблуки постоянно проваливались бы в землю.

Как только все было готово, гроб установили на подставку. Члены семьи заняли свои стулья, и пастор начал заупокойную службу.

В середине его речи Кортни ткнула меня в руку.

Я посмотрела на нее. Ее лицо было наклонено ко мне, но из-за ее солнечных очков я сначала не поняла, что она имела в виду. Затем она слегка приподняла подбородок, и я взглянула в противоположном направлении.

На другом конце кладбища, ярдах в пятидесяти, прислонившись к пикапу, стоял Филип.

Пастор только что закончил молитву. Мистер Кэмпбелл поднялся со своего стула и посмотрел через кладбище, через все надгробия, на Филипа. Не говоря ни слова, он прошел вперед, пока не достиг края толпы, и встал руки в боки.

Филип даже не пошелохнулся, остался стоять, прислонившись к машине. В конце концов, он покачал головой и забрался внутрь. Через несколько секунд его пикап уже катился вниз по склону, к выходу с кладбища.

Мистер Кэмпбелл не сдвинулся с места, пока авто не скрылось из вида. Затем он повернулся и снова опустился на свой стул.

– Извините, пастор Генри. Пожалуйста, продолжайте.

* * *

Когда все закончилось – гроб опустили в землю, и стало ясно, что можно расходиться, – я тотчас повернулась, чтобы пойти к машине. Кортни могла оставаться и болтать сколько угодно. Я подожду, когда она закончит.

Но прежде чем я успела сделать два полных шага, к нам подошла Карен.

– Мы собираемся на поминки. Вы двое не хотите приехать?

Я обернулась. Мои губы уже приготовили отговорку, но Кортни опередила меня:

– Конечно, Карен. Еще как хотим!

9

Блюдо с мясным ассорти и овощами выглядело неаппетитным, как и следовало ожидать на поминках, но это не помешало Кортни наброситься на него. Она с горой загрузила свою маленькую пластиковую тарелку морковью и сельдереем, взяла булочку, наштиговала ее нарезанной индейкой и добавила ломтик сыра. Она остановилась только тогда, когда заметила, что я наблюдаю за ней.

– Разве ты не голодна?

– Нет.

– Умираю с голоду. Не ела весь день.

Она вернулась к своей тарелке, умяла еще одну булку – на этот раз с ветчиной, – затем кивком дала мне понять, что закончила.

Я отступила, повернулась к остальной части дома, но не знала, куда идти.

Повсюду были незнакомые люди. Старше нас, моложе, нашего возраста. Никто не говорил громче шепота, как будто нормальный тон был бы неуважением к памяти Оливии.

– Пойдем, – легонько подтолкнув меня, прошептала Кортни.

Я последовала за ней сквозь толпу, радуясь, что мы не стоим на месте. Миссис Кэмпбелл я заметила несколько минут назад – она шла через весь дом и благодарила каждого, кто пришел. Я надеялась по возможности не попасться ей на глаза. Несмотря на холодный тон, каким она разговаривала со мной, в целом держалась дружелюбно... Возможно, лишь потому, что ее мертвая дочь лежала всего в нескольких ярдах от меня, и приличия требовали держать свои чувства в узде.

Может, она и даст им выход, но не здесь, не сегодня, в собственном доме, на глазах у всех гостей. Но четырнадцать лет назад, когда я видела ее в последний раз, ее недовольство было очевидным. По мнению миссис Кэмпбелл, ее дочь никогда бы не сделала того, что она сделала, если бы несколько дурных девчонок не подбили ее на это.

Оливия, рассудила миссис Кэмпбелл, милая, невинная девочка, которая просто попала в плохую компанию.

Забудьте о том, что миссис Кэмпбелл любила нас в средней школе, что приглашала оставаться переночевать у них, всегда добровольно сопровождала нас в торговый центр или в кино. Она хотела быть крутой матерью, той, на кого мы могли положиться, с кем мы могли, не стесняясь, делиться своими секретами, но как только все развалилось, она отлучила нас от своей церкви.

Мы с Кортни оказались на заднем дворике с десятком других людей, которые, хотя и находились снаружи, вели все разговоры тоже шепотом.

Здесь стояло несколько новеньких садовых стульев – с некоторых еще даже не успели снять ценники. Кортни села на один из этих стульев, я на другой. Мы сидели молча: я смотрела на толпу, Кортни с аппетитом принялась за сэндвичи.

Чтобы отвлечься, я вытащила телефон. В другом, альтернативном мире, я могла бы получить сообщение от Дэниела с вопросом, как дела, пару строк о том, что он скучает по мне, возможно даже, смайлик-поцелуй, но в этой реальности ничего такого не было.

Сунув телефон обратно в сумочку, я поймала на себе взгляд Кортни.

– Смотришь, нет ли сообщения от жениха?

По какой-то причине мне не хотелось признаваться, что я не получила никаких сообщений ни от Дэниела, ни от кого-то еще, поэтому я кивнула и сказала «да».

– Кстати, забыла, как его зовут?

– Дэниел.

– И ты сказала, что он якобы врач?

– Медбрат неотложной помощи.

Кортни жевала сэндвич.

– Блин, довольно напряженная работенка, – сказала она между укусами. – И когда дата свадьбы?

– Мы ее еще не назначили. Кортни, что мы здесь делаем?

Похоже, она почувствовала нетерпение в моем голосе. Жуя последний кусок, она несколько секунд пристально смотрела на меня, а проглотив его, сказала:

– Мы провожаем жизнь Оливии.

Я в упор посмотрела на нее.

– Мы сделали это раньше. Сначала в траурном зале, потом на кладбище.

Кортни пожала плечами и откусила кусок от полоски сельдерея.

– Какие у тебя еще планы на сегодня?

Я открыла рот, чтобы ответить. Мое раздражение нарастало, но затем внезапно все стало предельно ясно.

Сплетни. Вот зачем мы здесь. Кортни всегда любила посплетничать, наверное, больше, чем все остальные девочки. Что там она сказала вчера? Что часами копалась в «Фейсбуке», пытаюсь выяснить, как умерла Оливия? Ей не терпелось получить ответ на этот животрепещущий вопрос, хотя он не имел к ней никакого отношения.

Судя по выражению ее лица, она увидела, что я это поняла. Она как будто колебалась, не зная, как яотреагирую. Но затем отвела взгляд, улыбнулась, отложила тарелку и встала со стула.

Карен вышла вперед и обняла Кортни. Когда они разомкнули объятия, Карен повернулась и наклонилась, чтобы быстро обнять и меня.

– Еще раз спасибо вам обеим за то, что пришли. Мои родители этого не скажут, но это очень многое значит.

– Конечно, – сказала Кортни. – Мы рады.

Карен обновила макияж, тушь больше не растекалась. Она оглядела задний двор, где все еще слонялось несколько людей, и вздохнула.

– Боже, я бы не отказалась выпить. Сказала родителям, что нам здесь нужно что-то из спиртного, хотя бы вино, но они наотрез отказались.

Поскольку они обе все еще стояли, я тоже поднялась.

– Можно у тебя кое-что спросить? – сказала Кортни.

– Попробую угадать, – сказала Карен. – Вы хотите спросить про того мужчину на похоронах.

– Он как-то виновен в смерти Оливии?

Не знаю почему, но прямо Кортни шокировала меня. Я бросила ей предостерегающий взгляд, но она проигнорировала меня, сосредоточив внимание на Карен.

Та снова вздохнула и покачала головой.

– Вы ведь не знаете, что случилось? Конечно, нет. Мои родители неохотно рассказывают об этом. Вообще-то это было в новостях, но они попросили СМИ не разглашать имя Лив.

– Что случилось? – спросила Кортни как можно более невинным тоном.

Карен еще раз оглядела патио, чтобы убедиться, что никто не слушает.

– Лив покончила с собой, – прошептала она. – Она спрыгнула с моста в реку Саскуэханна.

Кортни прикрыла ладонью рот и сделала большие глаза.

– О, мой Бог! Какой ужас.

Карен кивнула. Ее нижняя губа дрожала.

– Это все ужасно. Моя семья уверена, что виноват Филип.

– Как же так? – спросила я.

– Он был ее женихом. Полтора года. В первые два месяца, когда они были вместе, он ей изменил. Если спросите меня, у него всегда был вид любителя сходить налево. Понимаете, о чем я? – Она подождала, когда мы кивнем, чтобы доставить ей удовольствие, показать, что мы поняли, что это за подонок, а затем продолжила: – Я никогда ему не доверяла. Он казался милым и всегда был вежлив с родителями, даже со мной, но была в нем... какая-то гнильца.

Карен снова обвела глазами патио, желая убедиться, что нас никто не слушает, затем схватила один из садовых стульев, перетащила его к нашим и села. Подавшись вперед, она заговорщическим шепотом рассказала нам о том, как однажды вечером Филип пошел выпивать со своими приятелями. Сильно набрался и вновь загулял со своей бывшей подружкой, а потом пару дней ждал, чтобы рассказать об этом Оливии.

Когда он, наконец, это сделал, то заявил, что ему было очень стыдно, и поэтому он не сказал ей раньше, и умолял ее простить его.

– И знаете, что? – покачала головой Карен. – Она его простила. Я сказала ей, что она ненормальная, что ей следует бросить это ничтожество, но она сильно на него запала. Сказала, что понимает, что он был пьян, и такая дурацкая хрень случается. Я сказала ей, что она сошла с ума. На что она ответила, что ей все равно, что она любит его.

После этого, продолжила Карен, целый год ничего не происходило. Филип вел себя безупречно. Он сделал предложение, и они назначили дату свадьбы на осень. Такой счастливой Оливию Карен еще не видела. Она явно была влюблена в Филипа, постила в «Фейсбуке» его фотки, отмечала места, куда Филип приглашал ее на свидания, обильно снабжала обновления статуса их отношений с Филипом сердечками-смайликами. Она даже призналась Карен, что ей не терпится родить ребенка. Все шло отлично, а потом – здесь Карен умолкла и покачала головой – Филип сделал это снова.

Кортни сделала большие глаза.

– Он снова ей изменил?

– Да. Но на этот раз этому засранцу даже не хватило совести признаться.

Мне захотелось заткнуть уши, чтобы ничего не слышать. Это были просто сплетни, и мне казалось, что они оскорбляют память Оливии. Но эта последняя фраза вызвала у меня любопытство.

– Тогда как она узнала?

– Эта сука прислала ей фотографии!

Последнюю фразу Карен почти выкрикнула, чем привлекла внимание сидевших во внутреннем дворике. Люди обернулись на нас, но она смерила их таким разъяренным взглядом, что они поспешили отвернуться, после чего она вновь переключила свое внимание на нас.

– Девушка, с которой изменил Филип, отправила снимки? – переспросила Кортни.

– Да. Нет, вы можете в это поверить? Кто вообще так поступает?

Что-то не складывалось, и я покачала головой.

– погоди минутку. Ты говоришь, что Оливия покончила с собой, потому что Филип изменил ей во второй раз?

Карен выглядела разъяренной, как будто все это происходило снова. Я представила себе, что если бы Филип решил сорвать поминки, она бы набросилась на него с бейсбольной битой.

– Именно это я и говорю. Я это к тому, что Лив постоянно страдала депрессией. Она могла регулировать свое состояние с помощью лекарств, но когда эта сука прислала снимки, это ее сломало. Она позвонила мне вся в слезах и сказала, что он сделал это снова. Я же просто... – Карен умолкла внезапно как будто пристыженная. – Я сказала ей: мол, чего ты еще ожидала? Кто изменил хоть раз, изменит снова. Наверное, я лягнула это зря. После того как ее нашли, первое, что я подумала: возможно, если бы я не...

Она умолкла, к глазам подкатились слезы, тушь снова растеклась по лицу.

– Ты же знаешь, что ты здесь совершенно ни при чем, – мягко сказала Кортни, протягивая Карен бумажный носовой платок.

Карен вытерла глаза и шмыгнула носом.

– Знаю. Просто я... Я была так бездушна с ней. Мне следовало проявить участие. Понимание.

– Зачем той девушке было присылать Оливии эти снимки? – спросила я.

– Бог знает. Как я уже сказала, она гребаная стерва.

– И все равно я не понимаю. Как она вообще узнала, кто такая Оливия?

Карен пожала плечами. Она призналась, что сама снимков не видела. Оливия сказала ей, что они были отправлены через «Фейсбук», и пока никому еще не удалось угадать пароль Оливии. Семья даже связалась с администрацией «Фейсбука» по поводу удаления ее аккаунта, но пока безрезультатно.

– И люди продолжают постить что-то у нее на стене, сообщают ей, как им ее недостает, как будто она когда-нибудь это прочтет. Все это сводит меня с ума.

– Филип, наконец, признался? – спросила Кортни.

– Не думаю. Возможно, она пыталась поговорить с ним, не знаю. Лично я отказываюсь с ним разговаривать. Он несколько раз пытался связаться со мной. Мне пришлось забанить его во всех социальных сетях.

Карен снова умокла, глядя на смятую салфетку в руке.

– Поймите, той ночью Лив прыгнула с моста. Она позвонила мне, очень расстроенная, я же повела себя как последняя бессердечная сука. Вместо того чтобы ее утешить, я бросила упрек ей в лицо. Я... Мне следовало проявить большее понимание. Возможно, тогда бы она не прыгнула.

Я переглянулась с Кортни. И прочла в ее глазах раскаяние.

Ей хотелось посплетничать, и она, безусловно, добилась своего, но в ходе этого она заставила сестру Оливии заново пережить ту жуткую ночь. Мне было больно видеть Карен такой. Хотелось протянуть руку, обнять ее, сказать, что это не ее вина, но затем Карен вновь вытерла глаза и покачала головой.

– Я не знаю, кто была эта девушка, но Лив знала. В смысле, она ни разу не назвала ее имени и не сказала чего-то еще, но говорила о ней так, как будто знала. Она не называла ее ни сукой, ни стервой, ни шлюхой, ничем из того, кем, черт возьми, назвала бы ее я.

Кортни еще раз взглянула на меня, затем подалась вперед и утешительно взяла Карен за локоть.

– Но как-то она ее называла?

Взгляд Карен заметался между нами.

– Это самое странное. Она называла ее призраком.

10

Мы не пробыли в машине и полминуты. Дом Кэмпбеллов все еще маячил в зеркале заднего вида, пока мы катили через тихий пригород, но Кортни больше не могла сдерживаться.

– Твою мать! *Твою мать!*

Мои пальцы стиснули руль, но я ничего не сказала. Кортни поерзала на сиденье и повернулась ко мне.

– Как ты думаешь, это была она?

Я изо всех сил старалась сосредоточиться на встречной полосе движения и маячившем впереди знаке «стоп», но ее взгляд прожигал меня, словно вспышка солнца. Тем не менее я ничего не сказала.

Что не помешало Кортни снова задать свой вопрос:

– Эмили, ты думаешь, это была она?

Я раздраженно взглянула на Кортни. Меня так и подмывало сказать ей, чтобы она заткнулась, перестала говорить глупости: конечно же, это не так. Вместо этого я покачала головой и сосредоточила внимание на дороге.

Кортни наблюдала за мной. Я видела ее краем глаза. Через минуту это начало действовать мне на нервы, и я снова взглянула на нее.

– Что такое?

Кортни ничего не сказала. Я отвернулась и еще сильнее сжала руль.

– Ты когда-нибудь думаешь о ней? – спросила Кортни.

Я отлично знала, кого она имела в виду, но все равно притворилась непонимающей.

– О ком?

– Ты знаешь, о ком.

Я остановилась на светофоре, глядя на проезжающие машины.

– Прошло много времени. А ты?

Кортни поерзала на сиденье, откинулась назад и посмотрела в окно.

– Кстати, я вспомнила о ней на днях, когда услышала об Оливии... Ну, что она покончила с собой. Боже, как же мы были жестоки с этой девочкой!

Целая минута прошла в молчании, единственный звук – радио на малой громкости и шорох шин по дороге, пока мы приближались к шоссе. День клонился к закату, и на горизонте начали сгущаться темные тучи.

– Это была не она, – сказала я, в конце концов.

Кортни снова поерзала на сиденье.

– Но Карен сказала, что Оливия говорила ей: это призрак. Призрак, Эмили. Почему она сказала это, если не имела в виду Грейс?

– Я не знаю. Может, Карен ослышалась. Или же Оливия имела в виду кого-то другого из своего прошлого.

Кортни фыркнула.

– Не пойму, ты наивна или просто не хочешь признать правду.

– Зачем Грейс было присылать Оливии такие фотки?

– Почему бы нет? Мы практически угробили ее жизнь. Вдруг она жаждет мести.

– Не смей меня.

– Разве это смешно? Грейс сделала то, что сделала... из-за нас. Из-за того, что мы сделали с ней. Честно говоря, я бы не стала винить ее за желание отомстить.

Я повернула голову вбок так быстро, что едва не свернула себе шею.

– Как ты можешь такое говорить?

Кортни приподняла бровь.

– Почему нет? Поставьте себя на ее место. Новая девочка в школе. Ей просто хотелось подружиться с популярными девчонками. А мы обращались с ней как с последним дерьмом. Как с рабыней. Разве ты не затаила бы обиду?

Я ничего не сказала. Не потому, что мне нечего было сказать, а потому, что я не хотела услышать, как соглашусь с Кортни. Конечно, если бы со мной поступили так, как мы поступили с Грейс, я бы затаила обиду. Со мной тоже не церемонились, но никогда до такой степени. Для меня это в основном было чувство бессилия. Другие девочки вечно шептались за моей спиной. Иногда они давали мне унижительные поручения, как будто я была у них на побегушках – выбросить за них мусор или принести напитки, – но до того, чтобы дать мне почувствовать себя их рабыней, ни разу не доходило.

Иногда я задавалась вопросом, насколько далеко я позволила бы им зайти. Если бы, не появись Грейс, мне было бы так же плохо, как и ей?

– А кто вообще придумал это имя? – спросила Кортни.

– Я не помню.

– Призрак, – прошептала Кортни и покачала головой. – Грейс-Призрак. Господи, какими же мы были гадинами, верно?

Не то чтобы мы с самого начала решили, что Грейс не достойна быть нашей подругой. Мы старались быть с ней вежливыми. По крайней мере, я. Но Маккензи тотчас же поняла, какой податливой была Грейс. Как легко ее можно было превратить во все, что захочет Маккензи. И Грейс, возможно, чувствуя, что у нее нет выбора, сделала то, что Маккензи, а позже и все мы, велели ей сделать.

Но этим все не закончилось. Нам понадобилось отобрать единственное, что у нее было, что делало ее той, кем она была, – имя. Она имела очень бледную кожу, как будто никогда не выходила на улицу больше чем на пять минут, и длинные темные волосы.

Призрак, так называли мы Грейс, когда ее не было рядом.

Вы видели, в чем сегодня была Призрак?

Вы видели волосы Призрака? Жирные и немые!

А как от Призрака пахнет! Ффууу!

Кортни снова поерзала на сиденье и вытащила телефон.

– Знаешь, что нам нужно сделать, чтобы это подтвердить? Найти эти снимки! Нет, я знаю, прошло четырнадцать лет, но ведь мы наверняка узнаем ее, правда?

Мы были на шоссе, примерно в полчаса езды от Лэнтонна. В том направлении тучи на горизонте были еще темнее.

– Нет, – сказала я, глядя на них.

Кортни хмуро посмотрела на меня.

– Что нет?

– Просто нет. Мы поставили точку. Оливия мертва. Мы были на похоронах, а теперь едем домой. Вот и все.

– Но Карен сказала, что Оливия говорила ей...

– Мне все равно. Это нас не касается.

– Ты издеваешься? Если Грейс хочет отомстить, это очень даже нас касается.

– Прекрати, Кортни. Ничего она не хочет. Она просто... живет своей жизнью. Нам нужно оставить ее в покое.

– Если она вернулась, чтобы отомстить Оливии, что помешает ей прийти за одной из нас? Или за нами обеими?

Я бросила на нее быстрый взгляд.

– Не будь сукой, Кортни.

– Сукой?

– Мне осточертел этот разговор.

– Какого хрена...

– Я сказала, мне осточертел этот разговор.

Я подалась вперед и увеличила громкость радио, не обращая внимания на взгляды-кинжалы, которые Кортни метала в меня.

Остаток пути мы ехали молча, навстречу надвигающейся грозе.

11

Грейс Фармер так или иначе всегда преследовала меня.

В колледже мы обычно обсуждали на занятиях последствия издевательств или же я присутствовала на сеансах, где дети рассказывали своим психотерапевтам о травмах, полученных в результате жестокого обращения со стороны сверстников или членов семей. И мне не давал покоя вопрос о последствиях трех месяцев, проведенных Грейс в нашей школе. Была ли у нее возможность рассказать кому-то о том, что с ней случилось.

Однако чаще всего, когда я думала о Грейс Фармер, я думала не о той Грейс, какой мы ее знали – тихой, безропотной девочке с носом-пуговицей и застенчивой улыбкой, – а о Грейс, какой она была до того, как вошла в нашу жизнь.

К этой Грейс Фармер я возвращалась снова и снова. К Грейс, которую еще не осквернило наше прикосновение. Той, что еще не вышла на сцену в нашей школьной мелодраме, причинившей ей столько страданий.

Нет, эта Грейс Фармер была счастлива. Жизнь все еще была интересна ей. А сколько прекрасных возможностей ждали ее впереди!

Даже сейчас я могу представить себе ее и мать, как они едут на юг от того места, которое они раньше называли домом. Кстати, Грейс нам о нем почти ничего не рассказывала, но, если честно, вероятно, потому, что нам всем было на это наплевать.

Я толком не могу представить себе ее мать, потому что никогда не видела, за исключением одного короткого момента, когда она высадила Грейс в начале того рокового уик-энда в День поминовения. Она водила старый красный хэтчбек. У нее были вьющиеся волосы. Вот и все, что я запомнила.

А вот лицо Грейс в моем сознании гораздо четче и ярче. Бледная кожа. Пронзительные темные глаза. Длинные темные волосы. На носу россыпь бледных веснушек.

Я представляю, как она сидит на пассажирском сиденье, ее окно чуть приоткрыто. Ветер залетает внутрь и бешено треплет ей волосы.

Они направляются на юг, подальше от того места, которое они когда-то называли домом. Красный хэтчбек набит всеми их вещами или, по крайней мере, лишь самым необходимым; вещами, которые помогут им начать новую жизнь.

Всегда ли Лэнтон был их конечным пунктом назначения? Или они просто ехали, пока не заметили что-то, что им понравилось, место, которое они были готовы назвать своим домом?

Так или иначе они оказались в Лэнтоне. Они не поехали дальше, в один из городков южнее. Будь это так, возможно, для Грейс все сложилось бы иначе. Возможно, их жизнь не была бы разрушена.

Я представляю Грейс. Как и любая четырнадцатилетняя девочка, она взволнована, отправляясь в то первое утро в среднюю школу имени Бенджамина Франклина, хотя и немного нервничает: кто знает, как в классе примут новенькую?

Она надевает новые вещи. Не очень красивые, не самые модные, но это нормально, ведь она никогда особо не заботилась о шмотках. Мать уже приготовила завтрак. Грейс быстро глотает его, не желая опаздывать, и все равно они приезжают в школу через пару минут после звонка.

Мать не заходит с ней внутрь. Когда-то она была ровесницей Грейс и знает, как думают подростки. Она ставит машину на стоянку и ждет, когда Грейс наклонится, чтобы быстро обнять ее и поцеловать в щеку, а затем наблюдает, как дочь спешит к школьным дверям, а ее розовый рюкзак «ДженСпорт» свисает с ее плеча.

Я представляю улыбку миссис Харрингтон, секретарши из приемной, как она лучезарно улыбается, когда входит Грейс.

– Привет, дорогая. Вы Грейс Фармер?

Грейс прикусывает губу, внезапно нервничая, и кивает.

– Прекрасно, – говорит миссис Харрингтон. – Сейчас я сообщу вам ваше расписание. Потом кто-нибудь проводит вас в класс. Нет, не кто-нибудь, а... Директор Акерман?

В школьную канцелярию влетает мужчина в костюме, но тотчас же останавливается, улыбается секретарше и лишь потом адресует улыбку Грейс.

– Это наша новая ученица, Грейс Фармер, – сообщает миссис Харрингтон.

Директор Акерман включает весь свой шарм, как он обычно делает в отношении новых учеников. Он уверяет, что взволнован тем, что Грейс пришла учиться в его школу, и что ей здесь наверняка понравится, и что он будет рад проводить Грейс на ее первый урок в ее самый первый день. Еще как рад!

И Грейс следует за директором Акерманом на пару шагов позади, слушая, как он рассказывает ей о различных кружках и внеклассных занятиях, которые есть в школе имени Бена Франклина. К тому времени уроки уже начались, и коридор пуст. Мокасины директора Акермана скрипят по только что натертому линолеуму. Грейс начинает бить легкая дрожь, у нее ощущение, будто бабочки трепещут крыльями в ее животе. Не одна, и не две, и даже не десятки; их там порхают сотни. Пытаясь успокоить нервы, она издает медленный, ровный вдох. Директор Акерман замедляет шаг, из чего она делает вывод, что они почти у цели.

– Вот мы и пришли, – говорит он, указывая на одну из десятка дверей в коридоре. «Класс миссис Гэллоуэй», гласит ламинированная табличка, приклеенная скотчем к стене рядом с дверью. Всего одна дверь из десятка, всего одна классная комната из нескольких. Как бы мне хотелось, чтобы Грейс неким чудом зачислили в другой класс!

В другую школу. Чтобы они с мамой оказались в другом городе. Но все это альтернативные реальности, а в истинной – той, которая скоро станет мрачнее для всех нас, – директор Акерман улыбается Грейс в последний раз, потом стучится и тянется к дверной ручке.

– Готова? – спрашивает он.

12

Когда мы въезжали в «Хайленд-Эстейтс», по крыше машины уже стучал легкий дождик. Я проехала сквозь жилой комплекс к корпусу Е и притормозила у входа.

Кортни уже рылась в сумочке. Сначала я подумала, что она ищет ключи, но потом она вытащила мятую десятидолларовую купюру.

– Надеюсь, этого хватит за бензин. Это все, что у меня есть прямо сейчас.

– Не надо.

Опустив глаза, она протянула мне смятую купюру. После моей вспышки она умолкла и с тех пор не разговаривала, просто поерзала на своем сиденье и уставилась в окно. Я тоже не потрудилась нарушить молчание.

– Возьми, Эмили.

– Оставь себе.

Она уронила деньги на консоль и повернулась, чтобы отстегнуть ремень безопасности.

Я подняла купюру, пару мгновений смотрела на нее и нахмурилась.

– Если это все, что у тебя есть в данный момент, то чем ты собираешься заплатить няне?

Кортни замерла и, прежде чем открыть дверь, посмотрела на свои колени.

– Я заплатила няне перед тем как уехать, – сказала она, не глядя на меня, и поставила ноги на тротуар. Ее голос был одновременно близок и далек. – Еще раз спасибо, что подвезла.

– Погоди.

Я вложила в это слово больше силы, чем хотела. Мой тон шокировал даже меня. Но это сработало. Сидя ко мне спиной, Кортни застыла как статуя.

– Нет никакой няни.

Я не стала задавать ей вопрос, так что, наверное, именно поэтому она не видела смысла отвечать на него.

– До свидания, Эмили.

Она хотела вылезти из машины, хотела выпрямиться, но я протянула руку и схватила ее за локоть.

– Кортни, только не говори мне, что все это время ты оставляла свою одиннадцатилетнюю дочь одну.

Кортни не ответила, только сердито взглянула на меня.

– Знаешь, кем я работаю?

– Ты психотерапевт, – хрипло сказала она и облизнула губы.

– Верно. А знаешь кто еще? Уполномоченный по проблемам детей. Что означает, что если я всего лишь подозреваю жестокое обращение с детьми со стороны родителей или пренебрежение своими обязанностями, мой долг сообщить об этом куда следует.

Она неуверенно посмотрела на меня, но потом ее лицо превратилось в маску. Зеленые глаза потухли.

– Делай, что считаешь нужным, Эмили. Это будет не первый раз, когда тетки из опеки нагрянут ко мне, и, вероятно, не последний. А сейчас идет гребаный дождь, и я не хочу промокнуть сильнее, чем уже промокла, если ты не возражаешь.

Она вырвала руку и захлопнула дверь.

Уезжай. Такова была моя первая мысль. Просто уезжай, вернись домой и прими душ. После разговора с Карен я чувствовала себя грязной, как будто правда о смерти Оливии была пятном, которое впиталось в мою душу и никогда уже не исчезнет.

Я выключила двигатель, открыла дверь и вышла под дождь.

– Я должна проверить ее.

У входной двери Кортни обернулась и посмотрела на меня.

– Что?

– Я должна проверить Терри. Убедиться, что она в безопасности. Тогда мне не придется стучать на тебя.

Ее лицо вновь напряглось, она прищурилась.

– Я неплохая мать.

– Я не говорю, что ты плохая. Но, как я уже сказала, я уполномоченный по проблемам детей. У меня нет выбора. Я должна убедиться, что с ней все в порядке. Кроме того, я не видела ее много лет.

Я заставила себя улыбнуться в надежде, что это поможет загладить мой резкий тон, но под дождем чувствовала себя нелепо. Волосы промокли, и улыбка быстро погасла.

Кортни вздохнула, ее лицо все еще было напряженным.

– Как хочешь. Мы на втором этаже, квартира номер три. Я оставляю дверь открытой.

* * *

Я не плохая мать.

Я уже слышала от Кортни эти слова, хотя и не ожидала, что она скажет их снова.

В ту ночь перед отъездом в колледж, в пятницу или субботу в конце июля, мне позвонила бабушка Кортни, позвонила уже далеко за полночь. У Джейн – она всегда настаивала, чтобы я называла ее по имени, – был номер моего мобильного телефона. На случай чрезвычайной ситуации.

Должно быть, она ждала, глядя в окно, потому что открыла дверь еще до того, как я успела подняться по ступенькам крыльца.

– Извини, что позвонила тебе. Спасибо, что приехала.

Ее голос был подобен хриплому шепоту, и она выглядела измученной. Я знала ее уже два года и ни разу не видела ее такой. Я вошла внутрь, вдыхая запахи ароматических свечей, которые Джейн жгла по всему дому, а она закрыла за мной дверь.

– Что случилось?

– Она снова напилась. Хуже, чем раньше. Не знаю, что с ней делать, когда она в таком состоянии.

– Она приехала домой сама?

– Подвез какой-то парень. Никогда его раньше не видела. Он тоже выглядел пьяным. Боже, ей уже восемнадцать лет! Она должна понимать, что так нельзя.

– Где Терри?

– Спит в своей кровати.

– А Кортни?

– Она внизу, в подвале, все еще пьет.

Это меня удивило. Я взглянула на дверь в подвал и глубоко вздохнула.

– Я посмотрю, что смогу сделать.

Еще до того, как я открыла дверь, я услышала телевизор. Он орал на всю катушку – MTV, из динамиков гудело музыкальное видео. Кортни сутуло сидела на диване, зажав между ног бутылку водки. Ее голова подергивалась в такт музыке. Она пыталась подпевать, но, будучи пьяной в стельку, едва ворочала языком.

Она заметила меня, лишь когда я встала в нескольких футах от нее, и даже тогда она лишь покосилась в мою сторону, возможно, решив, что я плод ее воображения. Ее веки были полуопущены. Не открывая глаз, она поднесла бутылку к губам и сделала глоток.

– Думаю, с тебя достаточно.

Мой голос напугал ее. Она вскрикнула и чуть не вскочила с дивана. Но поняв, что это я, усмехнулась и протянула мне бутылку.

– Эмили! Выпей со мной!

Я и раньше видела Кортни пьяной, но никогда в таком удручающем состоянии. Она едва ворочала языком, ее слова было трудно понять.

Я взяла бутылку и поставила на стол.

– С тебя достаточно.

– Заткнись.

– Кортни.

– Ты мне не начальница.

– Ты перепила.

Она фыркнула.

– Кто бы говорил! Ты могла бы пойти со мной, но захотела остаться дома и собирать вещи.

Она особо подчеркнула последние слова, и я поняла, что она намекает: дело во мне. Причина, почему она напилась сегодня вечером, заключалась в том, что я уезжаю. Невероятно, но неудивительно.

– Ты не можешь так продолжать, Кортни. Это опасно.

– Ты не знаешь, о чем говоришь.

– Что, если с тобой что-то случится, что-то плохое? Кто будет присматривать за Терри? Джейн не будет жить вечно.

Она вскочила на ноги, шатаясь, раскачиваясь взад и вперед, как на палубе корабля.

– Я не плохая мать.

Впервые ее слова прозвучали внятно и даже резко. Она стояла, глядя на меня колючим взглядом, и вдруг вся поникла.

– Да, я плохая мать. Я ужасная мать, верно?

Я протянула руку, чтобы утешить ее, но она оттолкнула меня.

– Я совершила ошибку. Я не должна была... Мне не следовало рожать Терри. Я не могу быть матерью. Это не мое. Может... может, для Терри было бы лучше, если бы я умерла. Может, мне стоит сделать ей одолжение и убить себя.

И она понесла всякую хрень. Ее глаза были как два блюдца, и я, не раздумывая, врезала ей по лицу. Это удивило нас обеих. Глаза Кортни сделались еще больше, теперь уже от шока.

– Прекрати, – сказала я. – Ты ведь так не думаешь.

– Я никудашная мать. Я не могу этого сделать.

– Нет можешь. Ты сильнее, чем ты думаешь.

– Нет, я...

Выражение ее лица изменилось. Я обвела взглядом подвал, заметила в углу пластиковое мусорное ведро и сумела вовремя его достать.

Потребовалось почти два часа, чтобы убедиться, что алкоголь вышел из ее организма, помочь ей привести себя в порядок и уложить ее в постель. Я проверила спавшую в своей кровати Терри, а затем вернулась к входной двери. Уже была готова уйти, когда Джейн, теперь одетая в халат, вышла и обняла меня.

– Еще раз спасибо, что приехала. Ты настоящая подруга. Не знаю, что бы она без тебя делала.

Я ничего не сказала. Еще не пришла в себя. Уже решила, что это последний раз, когда я видела Кортни. Но как я могла объяснить это Джейн? Я не могла. Она не поймет. Да и я сама этого не понимала.

Слова Кортни звучали в моих ушах. Я видела ее, склонившуюся над мусорным ведром в ожидании очередного приступа рвоты и спрашивающую про Грейс.

Она спросила:

– Ты когда-нибудь думаешь о ней? Когда-нибудь чувствовала себя виноватой за то, что мы сделали?

И сказала:

– Если кто-то и должен чувствовать себя виноватой, так это ты. Если бы не ты, ничего бы не случилось.

13

Несмотря на обещание Кортни, дверь была закрыта, и я не чувствовала себя вправе открыть ее самостоятельно. Я постучала и подождала, возможно, секунд десять, прежде чем услышала внутри какое-то движение. Затем ручка повернулась. Передо мной с бесстрастным лицом стояла Кортни.

– Я же сказала, что дверь будет открыта.

Как будто мы с ней перестали быть хорошими подругами, какими были, пока ехали в Гаррисберг. Что имело смысл. Так обычно бывает, когда вы называете кого-то стервой и угрожаете вызвать службу опеки.

Кортни жестом пригласила меня войти. Я замешкалась. Не потому, что не хотела увидеть Терри – я всегда любила малышку, – а потому, что боялась того, что увижу внутри. Свиарник. Небезопасную среду. Терри в грязной одежде, не мытую больше недели. Никакой еды в кухне.

Возможно, я преувеличивала, но слышала о подобных домах. И будь это так, у меня не было бы иного выбора, кроме как уведомить Службу защиты детей. Что, вероятно, означало бы, что Терри заберут из дома.

– На лестничной клетке нет света.

Я сказала это лишь бы что-то сказать, нарушить гнетущее молчание, и мне тотчас стало неловко.

– Знаю. Его нет уже несколько недель. Я жаловалась домовладельцу, но тот даже пальцем не пошевелил. Вот что бывает, когда у тебя социальное жилье. Так ты идешь со мной или как?

Я вошла внутрь. Кортни закрыла дверь и направилась вглубь квартиры. Здесь стоял отчетливый запах, что-то вроде вездесущего запаха плесени. Квартира не блистала чистотой, но и грязной ее тоже нельзя было назвать.

Скорее захлавленной.

Я свернула за угол в маленькую гостиную и обнаружила там Терри. Задрав вверх ноги в носках, она лежала на животе на ковре и цветными карандашами рисовала что-то на большом листе бумаги.

– Терри, это мисс Эмили, – сказала Кортни.

Теперь я была мисс Эмили, а не тетей Эмили.

Терри оторвалась от рисунка. Темные волосы были заплетены в косички, обрамляя красивое личико. Работал телевизор, шло какое-то шоу на «Диснее», и свет экрана отражался на ее розовых очках в прямоугольной оправе.

– Привет.

– Ты наверняка меня не помнишь. В последний раз, когда я видела тебя, тебе едва исполнился годик. Я ходила в школу с твоей мамой.

– Терри, не хочешь показать мисс Эмили, что ты рисуешь? – сказала Кортни.

Девочка отложила карандаши, поднялась на ноги и поднесла лист бумаги, держа его так, чтобы мне было видно, над чем она работала.

Я был ошеломлена. Картинка была хороша. По-настоящему хороша. Она выглядела почти так, как если бы Терри нашла ее где-то, обвела ее и таким образом скопировала на чистый лист; но я не заметила никаких глубоких следов карандаша.

Это была черепаха, стоящая на двух ногах, с рюкзаком на панцире. На черепахе были очки в прямоугольной оправе, как и у Терри, только черепахи очки были черными.

– Это выглядит потрясающе, Терри.

– Спасибо. Это Джефферсон. Он главный герой моей книги.

Терри посмотрела на картинку, как будто видела ее впервые, и сморщила нос.

– Пока еще черновик. Мне нужно сделать еще пару страниц. Но в этой истории у Джефферсона первый день в школе.

– Как называется книга?

Терри смущенно улыбнулась.

– «Первый школьный день Джефферсона».

Я восхищенно кивнула и взглянула на Кортни. Та стояла в дверях, сложив на груди руки. Я вспомнила, как всего несколько часов назад она говорила о том, какая умная и талантливая ее дочь, как она читает по паре книг в неделю. Но тогда эти ее слова не отложились в моей памяти.

– Жду не дождусь, чтобы прочесть ее, когда будет готова.

Смущенная вниманием к своей персоне, Терри отвела глаза.

– Спасибо. Мама поможет мне опубликовать ее.

Я вопросительно посмотрела на Кортни. Та развела руками и откашлялась.

– Ранее в этом году несколько учеников из класса Терри вызвались читать подготовишкам. Одной девочке, которой читала Терри, не понравилась ни одна из книг, поэтому Терри сказала, что придумает свою. Она начала работать над ней и спросила меня, как ее можно опубликовать. Я сказала, что сначала она должна закончить.

Я снова улыбнулась Терри.

– Потрясающе.

Она с довольной улыбкой отвернулась.

– Спасибо.

– Продолжай работать над картинкой, детка, – сказала Кортни. – А я очень быстро покажу мисс Эмили нашу квартиру, хорошо?

Терри кивнула и протянула мне свободную руку.

– Приятно познакомиться.

Я пожалала ее маленькую нежную ручонку.

– Мне тоже было приятно снова увидеть тебя, Терри.

Терри вернулась на свое место на ковре, а мы с Кортни вышли в коридор.

– Она невероятная, – прошептала я.

Кортни кивнула.

– Единственная в своем роде.

В квартире была только одна спальня. Кортни зажгла свет. Если честно, я ожидала увидеть большую кровать, но там стояла двойная. У стены – два книжных шкафа и в каждом высокие стопки книг для среднего и юношеского возраста.

– Это спальня Терри?

Кортни молча кивнула.

– А где спишь ты?

– Видела диван в гостиной? Он раскладывается.

– Почему бы тебе не снять квартиру побольше?

Не успел этот вопрос сорваться с моих губ, как я пожалела о нем.

Лицо Кортни вновь напряглось, взгляд потух.

– Будь я в состоянии позволить себе это, я бы давно это сделала.

Уезжай, тотчас сказала я себе, точно так же, как когда мы были на автостоянке. Но я не могла уехать. Пока.

– Значит, только ты и она.

– Да.

– А как насчет Джейн?

– Она умерла.

Хотя я много лет не видела и не разговаривала с бабушкой Кортни, эта новость меня потрясла.

– Извини, я не знала. Когда?

– Три года назад.

– А твои родители?

– Отца тоже больше нет, и он до самого последнего дня не хотел иметь ничего общего со мной и с внучкой-полукровкой.

Это слово заставило меня поморщиться, что, казалось, придало Кортни дополнительную власть.

– Полукровка. Он так и сказал. Так назвал Терри. И когда он это сделал, я пообещала себе, что больше никогда не заговорю со своими родителями.

– Ты ведь работаешь, верно?

– Да, кассиршей в «Уолмарте», Эмили. Здесь платят голую минималку, но при этом ровно столько, что я не имею права на продуктовые талоны. Пойми, все, что я делаю, я делаю для Терри. Еда, которую мы можем себе позволить, достается ей. Я видела твое лицо, когда я накладывала себе с горкой тарелку в доме родителей Оливии. Ты осуждала меня.

– Неправда.

– Правда. Я это видела. Как ты думаешь, я когда-нибудь скажу Маккензи или Элизе, где я живу или работаю? Конечно, нет. Я всегда буду переживать по поводу того, что они думают обо мне, даже спустя столько лет. Но я думала, что ты другая.

– Я другая.

– Неправда. Да, ты стала старше, но ты такая же вредная девчонка, как и тогда. Ты по-прежнему всего лишь гарпия.

Кортни прищурилась и впилась взглядом в мое лицо. Она сделала шаг вперед, и я поймала себя на том, что отпрянула.

– Почему ты не хотела поехать на похороны Оливии? Потому что ты думаешь, что ты лучше всех. Считаешь, что старых друзей можно списать со счетов, как будто их не существует. Если честно, Эмили, мне тебя жаль. У тебя устроенная жизнь, красивый жених, большое кольцо на пальце, и все равно нет счастья. Ты производишь жалкое впечатление.

Кортни вывела меня обратно в коридор.

– Я могу провести оставшуюся часть тура по квартире, но смотреть больше не на что. У нас на кухне мало еды, а большую часть той, что есть, я беру в пункте раздачи продовольствия. Я стараюсь, чтобы Терри по возможности ела здоровую пищу, но иногда это просто невозможно.

– Как ты добираться до работы?

– Езжу на автобусе. Я не могу позволить себе машину, не говоря уже о страховке. Теперь ты видела жизненные условия Терри. Если ты думаешь, что со мной ей плохо, делай то, считаешь нужным, позвони в службу опеки. В противном случае, думаю, тебе пора уходить.

Кортни в упор посмотрела на меня, ожидая, что я скажу еще что-нибудь. Я молчала. Не сказав ни слова, я вышла в коридор и направилась обратно к входной двери. Проходя мимо гостиной, я на минутку остановилась, чтобы попрощаться с Терри.

– Была рада увидеть тебя снова, Терри. Не могу дождаться, чтобы прочитать твою книгу, когда та будет готова.

Девочка расплылась в довольной улыбке.

– Спасибо! А я не могу дождаться, когда ее уже закончу!

На ходу я скользнула рукой в сумочку. Кортни подошла ко мне сзади. Ее голос был резким шепотом:

– Не надо.

Нашулав пальцами мятую десятидолларовую купюру, я медленно повернулась.

– Сказала же, – прошептала она. – Это деньги за бензин.

Я в упор посмотрела на Кортни, а она – на меня. Я поняла: победительницей мне не выйти. Как я ни поступлю, сделаю только хуже.

Словно читая мои мысли, Кортни холодно посмотрела на меня.

– Нам не нужна твоя жалость. Нам от тебя ничего не нужно.

Я еще мгновение смотрела на нее, надеясь увидеть в ее лице хоть малейший признак слабости, нечто, что могло бы облегчить этот момент. Но ничего не увидела.

Оставив смятую купюру в сумочке, я вышла в коридор и направилась к лестнице.

Как только они вошли в квартиру, мать схватила телефон.

В машине она была взбудоражена – ее пальцы практически душили руль, сердитый голос срывался, когда она ругала этих маленьких сучек. Как только на другом конце линии ей ответили, она пришла в еще большее возбуждение.

– Шейла, ты не поверишь. Эти маленькие сучки зашли слишком далеко. Что такое? Нет, точно не знаю, Грейс мне не говорит, но у нее на затылке кошмарный синяк. Родители той богатой девчонки, той самой, что привезла их на озеро, вели себя так, будто понятия не имели, что случилось. Я должна подать на них в суд. Как ты думаешь, я должна подать на них в суд? Может, стоит нанять адвоката.

Она оставила мать в гостиной. Телефонный шнур был туго обмотан вокруг руки. Мать всегда машинально наматывала его на руку, когда бывала взволнована.

Квартирка была маленькой, всего две крошечные спальни и одна ванная.

– Грейс, дорогая, – крикнула ей вслед мать, – ты куда?

Она услышала в голосе матери тревогу. Ее взгляд переместился со спальни на дверь справа.

– В ванную.

Ее мать ничего не сказала, лишь подождала, а затем возобновила телефонный разговор. Ее голос был полон исступления.

– Говорю тебе, Шейла, это место ничем не лучше, чем дом. Наверное, нам не следовало уезжать. Я думала, что дети здесь будут лучше. Но они настоящие животные.

Она вошла в ванную и включила свет. Одна из лампочек над зеркалом несколько раз мигнула и погасла. Ничего страшного, были еще две лампочки и светили достаточно ярко.

Она посмотрела на себя в зеркало, на свое маленькое бледное лицо, на длинные темные волосы. Затылок пульсировал от боли.

Как только девочки вернулись, развязали ее и отвели обратно в хижину, она приняла душ. Вымыла большую часть крови из волос, но не всю, потому что мать заметила это почти сразу, когда забрала ее. Другие девочки выглядели напуганными, боясь, что Грейс наступит на них. Страх был ощутимым, хотя и длился недолго, по крайней мере у Маккензи и Элизы. Они знали: Грейс никому не скажет.

И она не сказала. Она не сказала ни слова, хотя помнила, что сказали они. Что она лохушка. Ничтожество. Что мир был бы лучше, если бы она вообще не родилась.

Скрипнув металлическими кольцами по карнизу-штанге, она отдернула занавеску душа, наклонилась, вставила в слив пробку и полностью открыла оба крана.

В гостиной мать все так же сидела на диване, телефон был все так же прижат к уху, шнур еще крепче обвивал руку.

– Я не знаю, что с ней творится. Последние пару месяцев она ведет себя странно. Молчит. Ничего мне не рассказывает.

Ее голос был приглушенным шепотом, и как только она поняла, что дочь вернулась в комнату, она тотчас умолкла, посмотрела на Грейс и выдавила неловкую улыбку.

Не обращая на нее внимания, Грейс прошла на кухню. Солнечный свет падал в окно, сползая на дешевый линолеум. Она открыла ящик рядом с микроволновкой.

У них было мало посуды. Их было только двое. Несколько вилок. Несколько ложек. Несколько ножей для масла. Только один нож для стейка.

Грейс вытащила его, попробовала пальцем острое лезвие.

– Грейс, дорогая, – снова окликнула ее мать, – ты уверена, что с тобой все в порядке?

Она замешкалась, не зная, что сказать. В конце концов, она решила не отвечать, вернулась в ванную и закрыла за собой дверь. Повернула ручку, чтобы запереться изнутри.

Положив нож на край ванны, она начала раздеваться. Сначала кроссовки. Затем носки, футболка, шорты. В последнюю очередь она сняла бюстгалтер и трусы и встала перед зеркалом.

Призрак. Так ее называли девочки. Думали, что она не знает, но она знала. Она знала больше, чем они думали.

Ванна была почти полной, крохотный бурный океан в фаянсовых берегах. Грейс опустила руку в воду, чтобы проверить температуру, покрутила один из кранов и, дожидаясь еще минуту, перекрыла оба.

Она слышала далекий голос матери. Слышала, как в ушах стучит кровь. Слышала насмешки и хохот девочек прошлым вечером, гулким эхом звучавшие в ее голове. Грейс заставила себя не слышать и шагнула в воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.